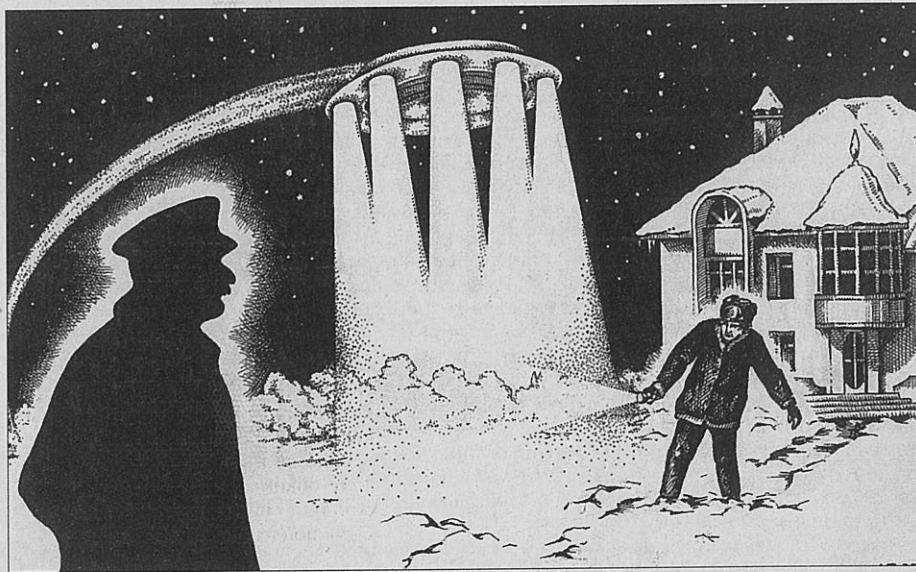

В предыдущем номере журнала мы поместили фрагменты из последних глав романа-версии, а точнее своеобразного экскурсионного ЭССЕ с элементами фантазии «НАЕДИНЕ С ЗАГАДОЧНЫМ СТАЛИНЫМ». Там рассказывалось автором о нежданном-негаданном появлении НЛО и бывшего Вождя народов Советского Союза в загородной, недоступной для посторонних, зоне, где находился гостевой дом обкома партии, о первой реакции секретаря обкома на «визит из прошлого».

В этом номере предлагается еще несколько фрагментов из вышеназванного произведения Льва Экономова — о том, как развивались события дальше, о тревожных раздумьях секретаря, связанных с необычным свиданием.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОСТЕВОМ ДОМЕ

Не хвали того, чего не вправе ругать

Старая мудрость

Разные люди по разному смотрят на одно и то же явление
«Собеседник»

Я

вление было непостижимым, просто не укладывалось в голове. Человек как бы материализовался передо мной из воздуха. И еще эта «пресловутая» тарелка, которую я невольно связал с появившимся вождем, хотя и не видел, чтобы он из нее выходил.

Таким образом, я стал как бы свидетелем сновидительной виртуальной реальности.

Говорят, что при белой горячке человеку видятся черти и прочая сволота. Но я же не чокнутый и не страдал галлюцинациями и наваждениями, рассуждал вполне здраво, хотя сейчас мне и шьют бог знает что. И вообще, у меня никогда не было отклонений психики от нормы, никаких умственных завихрений. Даже в сильном подпитии контролировал себя, и мозг мой работал четко, как у трезвого, что давало мне возможность держать ситуацию под контролем во время любых торжеств и приемов. А это очень важно для нашего брата.

Тогда как же все это объяснить? Не из могилы же выбрался Иосиф Виссарионович.

Думаю, каждый здравомыслящий человек поймет мое состояние и не усмотрит в моих последующих действиях ничего предосудительного, если даже мое поведение в дальнейшем где-то в чем-то было неадекватным моменту и, может, не совсем согласовывалось со здравым смыслом. Впрочем, сдвиг (временный) в моем поведении и в оценках произошедшего обнаружился несколько позже. И это не прошло мимо моего окружения — за мной всегда пристально наблюдали и ждали, когда я оступлюсь — что, в результате, и привело к тому, что я оказался в психиатрической лечебнице. Как все вышло — ума не приложу, но это

дало повод моим недругам, в числе которых в первую очередь оказался главный врач этой клиники, Бухман, которому однажды я вкатил строгача за то, что всех больных стриг под одну гребенку, пичкая психотропными препаратами, приписать мне «ретроградную амнезию», будто бы суждения мои аллогичны, противоречивы и парадоксальны. (А было лишь то, что называют обрывом памяти и что я объясняю шоковой ситуацией и только). Но они не ограничились этим скоропспелым диагнозом. Воспользовавшись каким-то моим вывертом, о чем я тоже не помню, сформировали чудовищную фальшивку, что я ущербен, страдаю аморализмом на почве якобы наблюдающихся у меня (по их утверждению) мизантропии, макиавелизма и комплекса Сталина (надо же такое придумать!), близкого к паранойе, как известно, выражавшейся в своеобразной бредовой переработке жизненных впечатлений при сохранении нормальной правильности мышления.

Все это чушь собачья, злонамеренные козни моих врагов. Да, я, как и все люди, со всячинкой. Бываю и таким, и этаким. Появились у меня и некоторые заморочки (а у кого их нет), признаюсь в которых обычно бывает нелегко, потому что посторонним их трудно воспринимать всерьез, и в них кому-то может показаться нечто странное. Например, мне иногда кажется, что я излагаю не свои мысли, а будто бы кто-то диктует мне, что надо говорить и писать, заставляет меня водить пером по бумаге помимо моей воли. Кто он — не ведаю, и боюсь признаться в этом кому-то, опасаясь, за то, что меня примут за настоящего сумасшедшего, решат, что я свихнулся всерьез и надолго.

Или вот еще: в каждой зимней мухе, залетавшей в нашу па-

лату, когда эти назойливые твари уже повсеместно окочурились, я вижу как бы вестницу приближающейся смерти (есть такая примета) и не успокаиваюсь до тех пор, пока не убью ненавистное мне насекомое. Иногда на это уходит целый день. И я непременно присваиваю этим хитрым тварям имена ненавистных мне людышек из числа то ли несправедливо и некстати обласканных президентом, то ли скрытых и явных врагов нашего советского государства и вообще социализма и коммунизма, невольно беря во внимание золотые слова Пушкина: «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу». И уже прихлопнул многих из них. А они, гады, летят ко мне и летят неизвестно откуда.

Больше чем уверен, что кто-то из нынешних липовых демократов назовет меня «совком», «шариковым» или еще как-то. Я, конечно, плюю на их мнение, хотя и обидно бывает, что наши отдельные хорошие писатели поддакивают им. Мне неловко было за известного литератора, который уверял с телевизора, что русские — пьяницы, дураки, матерщинники. Никакой гордости. Пожале, что старается выслужиться, орденок получить за это, будто мало ему по-настоящему заслуженных, полученных за боевые подвиги во время войны, наград. Вот уж воистину: что малый, что старый. И получит. Разве можно было услышать такую чушь от Пушкина.

Вот и еще один рассказчик пишет, что «Нынешний моральный климат неизмеримо чище и мягче, чем в сталинские и постсталинские лукаво — лицемерно-жесткие времена». Ну, можно ли с этим согласиться? Да, было тогда и лукавство, и лицемерие, и жестокость, но разве сейчас этого «добра» меньше? Нет, и еще раз нет. Теперь врут и обманывают во сто крат больше, начиная от простых смертных и мелких столоначальников и кончая правителями всех мастей вплоть до президента. И это всем известно.

Хотя и не хочется, а, наверное, придется нарекать своих очередных жертв на прихлопку именами этих перевертышей.

Ну, а мои фобии не мешают мне (думаю, и впредь не помешают) оставаться нормальным человеком и стоять во главе руководства огромной области. Это явствует из моего поведения и теперь, среди опрокинутых в себя субъектов. Я трезво оцениваю те или иные события и даю обоснованные характеристики тем или иным личностям.

Мне было известно, что некоторые люди во время болезни, после инфаркта или кровоизлияния в мозг, при токсическом шоке погружались в состояние глубокой комы и находились в ней долгое время, иные — целые годы. Больной не реагировал на свет, на звук, на прикосновение, но сердце его работало и омывало мозг, что, собственно, и является критерием жизнедеятельности организма. Возможно, человек даже о чем-то думал, потому что какие-то участки мозга всегда бодрствуют. По этой причине мы, отыхаясь ночью, видим сны.

А недавно промелькнуло сообщение в печати, что ученые установили: умерев, человек некоторое время воспринимает речь окружающих его людей, не потому ли и появилось выражение — о мертвых хорошо, или ничего.

При сильном стрессе, во время страшного испуга или чрезмерного утомления человек может впасть в летаргический сон, при котором он еще «мертвее», почти не дышит, а если ко рту поднести холодное зеркальце, оно даже не запотеет. Но и в этом случае человек все-таки жив, и, случалось, его приводили в чувство сильным окриком, или когда ему давали понюхать нашатырный спирт. Но чаще и это не помогало. И погруженных в летаргический сон хоронили.

Но о товарице Сталине нельзя было подумать, что он возвратится к жизни. Вождь был забальзамирован, без внутренностей, а его мозг поместили в банку со спиртом в Институте Мозга, где хранились мозги Ленина, Горького и других великих деятелей нашего государства.

В моей памяти так явственно запечателось прощание народа с умершим вождем, несметные толпы убитых горем людей, стекавшихся к Дому Союзов, где трое суток были открыты двери для того, чтобы проститься с лежащим там телом любимого все-

ми вождя, десятки погибших в давке к его гробу, по вине бесшабашного распорядителя похорон, который нацелился занять пост Первого Секретаря.

Запомнилось напечатанное 8 марта в «Правде» стихотворение известного поэта Николая Грибачева с вешими словами:

Если б нам несчастье переспорить,
В грудь его свои сердца вложить,
Десять тысяч лет он мог бы строить,
При потомках в коммунизме жить.
Только смерть пришла, и, что ни делай,
От нее не отвратить лица,
И стоит народ осиротелый,
Словно сын, что потерял отца.

Поэт Грибачев не был первым в своем «сердоболии». Летчик-испытатель Стефановский рассказывал мне, что однажды на правительственный приеме Валерий Чкалов тоже «отдавал» свое сердце товарищу Сталину, что, конечно, зачлось известному летчику.

Впрочем, многие были готовы расстаться со своей жизнью ради того, чтобы здравствовал Иосиф Виссарионович, и многие это делали во время войны, идя в атаку под пули врага с его именем на устах.

Был и траурный митинг на Красной площади 9 марта 1953 года по случаю похорон вождя, выступления членов Правительства.

Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь ЦК КПСС Георгий Маленков, на которого после смерти «теоретика марксизма» Андрея Жданова, озвучивавшего мысли Иосифа Виссарионовича, товариши Сталин возлагал большие надежды, в своей речи сказал, что Иосиф Виссарионович отдал свою жизнь делу освобождения от гнета и кабалы эксплуататоров, делу избавления человечества от истребительных войн, делу борьбы за свободную и счастливую жизнь на Земле для трудового народа.

Он назвал товарища Сталина великим мыслителем нашей эпохи, творчески развившим в новых исторических условиях учение марксизма-ленинизма.

Так, установив личную диктатуру, Хрущев обеспечил себе право властвовать и насаждать свой культ.

Если бы об этом узнал Сталин!

Помню, вся страна погрузилась на пять минут в скорбное молчание, отдавая последние почести вождю, перед Мавзолеем проходили войска, а в небе строем пролетали самолеты.

А жизнь продолжалась. Продолжался упорный и вдохновенный труд. Миллионы советских людей, беспредельно преданные Коммунистической партии и Советскому Правительству, смело смотрели в будущее, готовые выполнить великие задачи, поставленные Иосифом Виссарионовичем перед народом.

И все были уверены в том, что «для жизни, для будущих поколений работал и трудился товарищ Сталин», что «имя его будет сиять в веках как символ любви к своей Родине и к своему народу». И все горели желанием жить и трудиться по-сталински! Любить свою Родину по-сталински!».

А средства массовой информации просто захлебывались в захваливаниях Хрущева. Его потреты не сходили со страниц газет и журналов. И ему это было лестно. Как-то он заметил с иронией, что Сталин очень любил смотреть фильм «Незабываемый 1918-й год», где рассказывалось о нем, Иосифе Виссарионовиче. А сам Никита Сергеевич с упоминанием лицезрел кинокартину о своей персоне, где его называли «нашим дорогим». Вешал себе на грудь звезды одну за другой, так что заступившему на его место Брежневу было с кого брать пример, и, встав у кормила власти, перенеся его в этом.

Но Бога из Хрущева все равно не получилось. И не случайно в народе стала ходить приписываемая Михаилу Шолохову фраза о Сталине: «Конечно, был культ, но была и личность». Над гигантоманией Хрущева думающие люди потешались, а его торопливые, скоропалительные преобразования часто не находили поддержки. Не верили и его обещаниям о быстром построении коммунизма. За рубежом считали Хрущева необразованным челове-

ком и открыто удивлялись, как он может править огромным государством.

Далеко не престижно было иметь правителя, который двух слов не мог написать без ошибки. О знаках препинания он вообще не имел представления и творил, что хотел «без перепинаний».

Последний раз я видел товарища Сталина в хрустальном саркофаге рядом с его единомышленником и соратником В.И.Лениным. Никогда раньше не приходилось мне лицезреть его так близко. Слезы застилали мне глаза, и я не замечал его невзрачности, редких волос, землистого, изрытого оспой лица, как об этом сейчас пишут те, кто стремится всеми правдами и неправдами умалить товарища Сталина, его достоинство и авторитет, которыми он пользовался в народе, да и теперь почитается многими вопреки желаниям хулителей вождя, стремящихся опорочить его, распространяя о нем ложные сведения.

Он казался мне величественным даже в гробу. А в моих ушах звенели прочувствованные заклинания шестикратного лауреата Сталинской премии Константина Симонова о том, что долг советских художников — до скончания века воспевать вождя, рассказывать потомкам о его чудесной жизни.

Этому завету следовал другой советский писатель, Михаил Бубенов, до конца своих дней выставлявший в революционные праздники у себя на балконе огромный портрет генералиссимуса.

И вспомнились мне еще и такие стихи, опубликованные сразу после смерти Сталина.

Трудно жить без Сталина на свете!
Но великий гений не углас!
Сталин вновь из вечного бессмертья
Учит нас и направляет нас.

Как хорошо, как верно сказано, и как жалко, что многие отреагировали на него и уже не желают, чтобы он учил и направлял.

Немало оказалось и таких, кто в своем злопыхательстве доделал до явных подлогов и абсурда. Вот недавно посмотрел кино о похоронах Сталина по сценарию и режиссуре известного кич-поэта, всегда державшего нос по ветру. Он, конечно, показал все в самом похабном виде. Но этого и надо было ожидать от хамелеона и перевертшины, ставшего очернителем нашей славной истории. Сплошные надуманности, перехлесты, безвкусица и пошлость. Я полностью согласен с теми, кто говорит, что самовлюбленный стихотворец не способен поглядеть на себя и на события со стороны, что он шел не от жизни, а от своего представления, какой она должна быть, эта жизнь. Его фильм не приблизил нас сегодня к разгадке сталинизма. Да и что спрашивать с одного из величайших ловкачей. Он всегда держал нос по ветру и служил тому, кто хорошо платит, хотя и умел скрывать это, казаться смелым бунтарем и глашатаем прогрессивных идей.

Когда к нам в область прислали его туфту, участники Великой Отечественной Войны заявили, что «эта картина оскорбляет лучшие чувства ветеранов». Я запретил его демонстрацию. То же самое сделали и в некоторых других городах. Даже афиши посыпывали. И фильм не был показан в широком прокате в наших крупнейших городах, чем я очень доволен. Пора, давно пора преграждать путь к массам таким говеным перестройщикам, как этот не вылезающий из-за рубежа проходимец и пасквилянт. Ну, а по телеку-то его тухлятину, конечно, прокрутили. Там собралась его братия. Ее хлебом не корми, только дай поглумиться над нашими святынями. И в ход идут самые чудовищные инсюльции и подлоги.

Не могу я забыть и того, как спустя три года после похорон Сталина председатель комиссии по их организации, по вине которого погибли в давке десятки людей, желавших проститься с вождем, принял развенчивать его. Правда, потом развенчали и этого реформатора и волонтериста. Зло, исходящее от человека, возвращается к нему же сторицей — истина известная. Впрочем, с этим горе-кукурузником обошлись по-человечески, а надо было бы за его действия воздать ему должное...

А в октябре 1961 года по указке того же сумасбorda Хрущева XX съезд КПСС решил вынести тело Сталина из Мавзолея и захоронить поблизости у Кремлевской стены. Комиссию по перезахоронению возглавлял уже другой «сталинец» — Николай Шверник. Делалось все тихо, незаметно, но грузины каким-то образом пронюхали, съехались на Красную площадь и устроили митинг, выступали: «Мы не дадим вынести Сталина». Но их быстро утихомирили, погрузили в машины и увезли...

Тело Сталина вынесли чуть ли не в полночь солдаты отдельного полка специального назначения по охране московского Кремля. Гроб был из простого дерева, к тому же совершенно сырого. Лил дождь, и сейчас вряд ли что сохранилось от ранее проведенного бальзамирования, которое, кстати сказать, проводилось дважды: сначала временное, чтобы народ, пожелавший проститься с вождем, не почувствовал запаха разложения, а затем основательное. Оно длилось в течение года. Тело пропитывали специальными жидкостями.

Действовали перезахоронители как тать в нощи, даже родственников покойного не было. Перед тем, как переложить изъятый из саркофага труп в дощатый гроб, оббитый красной материной, на мундире золотые пуговицы заменили на латунные. Гроб был опущен в своеобразный колодец из железобетонных плит и засыпан землей. На могилу положили каменную плиту с указанием годов рождения и смерти Сталина, которая спустя многие годы была убрана, а на ее месте установили гранитный памятник. Пока он, как говорится, слава Богу, стоит.

Я не раз бывал на могиле вождя, приносил живые цветы. Там их всегда оказывалось много. Это говорит о том, что Иосифа Виссарионовича и по сию пору помнят и чтут, хотя новым правителям это явно не по душе.

И что знаменательно: даже тогда, когда тело Сталина выселили из Мавзолея, в морозные дни сквозь слово «Ленин» пропступало на мраморе его воинству немеркнущее имя, как бы в отместку тем, кто решил освободиться от соратника Ильича.

А теперь, когда наша страна со скоростью курьерского поезда катится по наклонной вниз и, по прогнозам некоторых социологов, может превратиться в третий степенный «банановую республику», многие бы обрадовались, если бы Сталин вернулся и навел порядок своей железной рукой. И тогда большинству из нынешних правителей пришлось бы распространиться со своими теплыми местечками, экспропрированными у трудового народа ценностями, а некоторым, самым злостным приватизаторам, и жизнью. Поделом вору и мука.

Но мертвые не возвращаются. Разве только во сне такое случается.

И тогда же, при встрече с вождем у гостевого дома, по непонятной ассоциации, припомнилось прочитанное у братьев Стругацких, что «колдуны и знахари некоторых малоисследованных племен Центральной Африки издревле владеют искусством возрождения видимой жизни своим умершим соплеменникам... Такое явление ирреального мира — мертвый человек, имеющий внешность живого и совершающий, на первый взгляд, вполне осмысленные и самостоятельные действия, носит название «зомби». Это живой труп человека без мыслей в голове, потому что мозг после смерти человека способен, как известно, функционировать лишь считанные минуты, затем в нем происходят необратимые изменения. Он умирает вместе с другими тканями человека.

Фантасты писали, что, если в голову зомби вложить электроды, тогда им можно управлять по радио, на расстоянии: только нажмай вовремя на нужные командные кнопки. Более того, можно даже составить для него определенную программу, вложить ее в компьютер, который затем соединить с излучающим устройством, и тогда зомби на какое-то время уподобится живому человеку, будет не только двигаться по командам, но и говорить.

Ходят слухи, что некоторые нынешние правители во главе с Меченым тоже зомбированы и действуют по указке из-за океана.

Все это похоже на страшную сказку, но, в принципе, можно преодолеть все технические трудности и создать «полнценного

зомби». Не сегодня, так завтра. И где-то уже ведутся, наверное, такие работы.

Почему-то вдруг всплыл на ум рассказ Матсона-Ганопольского о том, что при неадекватных условиях, связанных с электромагнитными полевыми аномалиями, в тех или иных районах (их еще называют по-булгаковски нехорошими) в определенные периоды с психикой человека может твориться что-то непонятное и не-предсказуемое. Наши мозг и органы чувств начинают работать качественно по-другому, по-новому, так что из памяти, из накопленных ранее знаний, образов и их комбинаций может сложиться специфическая эмоция и подчас с галлюцинациями. Это приводило людей к тому, что в известные исторические периоды (о чем свидетельствуют мифы народов) они видели легендарные огненные колесницы, божественные персонажи, святых, известных героев, рыцарей, а теперь, с развитием науки и техники, им мерещатся дирижабли, космические корабли, инопланетяне.

Матсон-Ганопольский рассказывал также, что некоторым ученым даже удалось зафиксировать чуткими приборами прозрачные звуки и невидимые глазу сущности. Специалисты объясняют их появление некоей блуждающей энергией, которая проявляется, скажем, вблизи кладбищ, на полях сражений, оканчивающихся гибелю многих воинов и находящих там последнее пристанище, но отнюдь не успокоенных.

Конечно, ни во что такое я не верю, но знаю, что многие обходят кладбища стороной и даже не посещают могилы близких, родственников и друзей. Им становится дурно. А некоторые даже кончают там жизнь самоубийством, как будто что-то притягивает их к усопшим.

И еще Давид говорил, что после смерти человека будто бы остаются «энергетические копии», «астральные двойники» материального, чего я тоже не принимаю всерьез, хотя к такому пониманию феномена ясновидения теперь склоняются отдельные учёные.

Известно, что кое-кто у нас в стране, да и за рубежом, смерть товарища Сталина называл «загадочной». Может, за этим словом и крылось что-то сакральное, не знаю. Хотя кое-какие догадки я и строил, но они относятся к тому, что принято называть «причиной смерти», и только.

Какая-то несусветная фантасмагория, — говорил я себе. Уж не снится ли мне все это? И я снова тряхнул головой, чтобы освободиться от наваждения. Ничего не получилось. Иосиф Виссарионович по-прежнему был перед моими глазами.

Я стоял недвижимо, словно превратившись в мифический соляной столб и во все глаза таращился на человека, нежданно-негаданно появившегося у нашего гостевого дома. Кого, кого — а такого визитера вообразить себе было просто невозможно.

Это в спектакле «Иосиф и Надежда» московского театра «Кольцо Мебиуса» явилась к Сталину его жена Надежда Аллилуева, покончившая жизнь самоубийством, явилась якобы для того, чтобы взять на себя его грехи, чтобы он остался в памяти потомков чистым, ничем не запятнанным. Но то была придуманная автором фантасмагория, абсурд, воспроизведенный на сцене актерами.

Может, и в самом деле, мне нужно было попринимать эти черты антидепрессанты и транквилизаторы, к которым, как известно, в конце жизни пристрастился Ленин Брежнев, став самым настоящим наркоманом. Собственно, это печальное обстоятельство меня и удерживало от пагубного занятия, которое вконец разрушило могучий организм нашего неутомимого Генсека, сделало из него маразматика и раньше времени свело в могилу.

А если перед моими глазами — внук Сталина, рожденный от его первого сына, Евгений Яковлевич Джугашвили, полковник, кандидат исторических наук, доцент Военной Академии им. М.В.Фрунзе, — подумал я в следующую секунду. Он, как известно, очень похож на Иосифа Виссарионовича, и успешно сыграл роль в картине «Война — для всех война», снятой студией «Гру-

зия-фильм».

Мне импонирует этот человек тем, что он свято чтит память своего деда.

«Сейчас о нем много пишут, рассказывают всякие небылицы... А я думаю, что критика моего деда — это ширма, за которой нынешнее руководство пытается оправдать сегодняшние недостатки. Сталин умер почти сорок лет назад... Но все валят на него. Сталин для меня — большой вопрос.

Нельзя его критиковать с позиций сегодняшнего дня. Например, за индустриализацию. Не провели он ее тогда в такие сроки, быть бы нам сейчас «под Гитлером».

Те, кто в Европе молился на него как на освободителя, стоя на коленях, сегодня разрушают его памятники. Плевал я на это! Покричат, пошумят, и все равно воздадут ему должное. Кто помнит сегодня судей и палачей, сославших Наполеона? Помнят только императора. Это — то же самое».

Я полностью разделяю мнение внука товарища Сталина и тоже готов плевать на очернителей вождя.

Но если передо мной оказался внук Иосифа Виссарионовича, то опять же непонятно, как и для чего он очутился в этом странном летательном аппарате и зачем прибыл сюда?

Нет, тут что-то другое. И здесь не театральные подмостки и не сцена, а все в реальности, на заповедной, хорошо охраняемой территории, куда заказан путь посторонним. И случилось это не в стародавние средневековые времена, заклейменные просвещением, когда не было разумных ориентиров, основанных на диалектическом материализме, а поэтому под влиянием Священного писания (Библии) и учения церкви беспредельно господствовала несокрушимая искренняя вера в потусторонний мир. Тогда люди считали, что между живыми и мертвыми существовало некое общение. Утверждалось, что покойники (чаще будто бы неприкаянные души) наносили визиты живым, просили последних облегчить их загробное существование молитвами и постами, приношениями церкви святых даров, искуплением и своих грехов, чтобы избежать зла.

Но теперь-то?! Да что же это такое?! Призрак, морок, фантом, мистификация?

Ну, конечно, мистификация! — сказал я себе в следующую минуту. Просто кто-то ловко дурачит меня.

Подумав так, я, вроде, немного успокоился, решил даже подыграть этому человеку. Прикинуться, что все принимаю за чистую монету.

Однако тут же возникли другие, не менее каверзные вопросы: зачем этот разыгрыш, к кому потребовалось вводить меня в заблуждение, с какой целью, и почему выбрано такое неподходящее время? И место тоже неподходящее для обмана. И как это связать с летающей тарелкой, которая только что была тут?

Вопросы, вопросы, вопросы... Ни на один из них я не находил ответа. И это ставило меня в дурацкое положение. Я чувствовал себя крайне дискомфортно и, как бы помимо воли, продолжал перебирать в голове предположительные вариации случившегося. И они оказывались далекими от реальности, эти вариации, они были скорее нелепыми, даже бредовыми, как и то, что совершалось на сцене театра по воле авторов в пьесе «Иосиф и Надежда».

Тогда же, каким-то краем мысли, я зацепился за один странный разговор, произошедший однажды между мной и сыном, у которого, как я уже говорил, после контузии обнаружилась способность ясновидения.

Афганская война его вообще сильно изменила. Он ведь пошел туда добровольно, с моего одобрения и напутствия, обуреваемый свойственными россиянам патриотическими чувствами оказать помощь братскому народу. Мы всегда помогали всем странам с уверенностью, что они пойдут по нашему пути, указанному Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. К тому же считалось, что если мы не войдем в Афганистан, то туда войдут американцы. А иметь под боком такого сильного, претендующего на мировое господство врага, себе дороже.

Думаю, точно так же, как я, поступил бы в этой ситуации и товарищ Сталин. Оба его сына не отсиживались в тылу во время войны, храбро сражались с фашистами. Старший погиб, младший, будучи летчиком-истребителем, сбил несколько самолетов врага.

Но мне неизвестно, чтобы кто-то из нынешних правителей отправил своих чад в Афганистан или в какую-то другую горячую точку выполнять интернациональный долг. А вот в Европу или в Америку, где сухо, тепло и муки не кусают, посылали и посылают без зазрения совести.

Ну, да черт с ними со всеми.

Досадно другое. Стало очевидным, что никакой он не братский, этот дикий, коварный афганский люд. Тогда за какое же «правое дело» воевал мой сын, прошедший через стрессовую ситуацию и получивший в этой кровавой мясорубке кроме тяжких ранений и потери ноги психическую травму, которая, как незаживающая рана, будет всю жизнь напоминать ему, да и мне тоже, фактически пославшему его туда, о бессмыслиности такой войны, что мы поняли в 1986 году, когда американцы, при поддержке англичан, стали развивать концепцию антикоммунистических повстанческих движений по всему миру, а моджахеды получили от Рейгана дальнобойные орудия и ракеты, в том числе суперсовременные «Стингеры», электронные системы подслушивания, новые средства радиосвязи, которые практически трудно было перехватить, использовали спутники-шпионы, после чего динамика войны в Афганистане начала резко меняться не в нашу пользу. А тут и китайцы, в словоре с американцами, стали поддерживать афганских моджахедов. Разве могло бы такое случиться при товарище Сталине, когда мы пели: «Русский с китайцем — братья навек!».

Участие в боевых действиях на афганской земле стоило нам больших средств и гибели тысяч и тысяч людей, в число которых чуть было не угодил и мой сын, вернувшийся домой другим человеком: замкнулся и не афишировал своего умения предвидеть, опасаясь, что его примут за сумасшедшего, жил тихо и незаметно, наедине со своим делом, которому отдавался целиком, не жаждал известности и даже отказался от награды за проявленное геройство в боях, ни с кем не откровенничал, никому не навязывал своего мнения.

В доме у него даже телевизора не было.

— А что в нашем ящике увидишь? И кого? — говорил он. — Там одна шайка-лейка, собравшаяся для разложения и вытравливания русского духа. Разнузданная трепотня на всех каналах и ложь без конца и без края в угоду сатанинским силам и насквозь прогнившему и разложившемуся режиму.

Сказано крепко. Не для печати. Но по существу правильно. Ведь сейчас телевизионное время покупается. И не задешево. А кто платит, тот заказывает и музыку. Заказывают же крупные денежные воротилы: банкиры, «владельцы» заводов, газет, пароходов» и крупные мафиози, а исполняют придворные холуи — аналитики, комментаторы, обозреватели, имиджмейкеры и прочая сволота, у которой мозги закручены только на прибыль. И ради прибыли они вдалбливают в головы владельцев телевизоров далеко не духовную пищу, хотя и утверждают, что нашу духовность в годы советской власти целенаправленно уничтожали. Это неверно. Она была, и это красноречиво подтверждают замечательные книги советских писателей, прекрасные кинофильмы, театральные и телевизионные пьесы. Они воспитывали в человеке подлинную духовность. А сейчас наблюдается кризис в искусстве. Его цена девальвирована. Оно тяжело болеет, потому-то нам и показывают в ящике каких-то банкиров и аферистов, дурдомовщиков и убийц, садистов и сатанистов, колдунов и знахарей, проституток и бичей, гомосексуалистов, лесбиянок и прочих проходимцев и вырожденцев.

— Раньше разрушали храмы, теперь — души, — подытожил этот невеселый разговор мой сын, — происходит негативная социальная адаптация. Люди теряют себя, свою нравственность, расчеловечиваются, превращаются в дебилов. У нас идет целенаправленное воспитание дебилов.

— Неужели нравственное начало человека должно меняться в зависимости от политической конъюнктуры? — подумал я. — Нет, и еще раз нет. Если человек настоящий, то этого не произойдет. И надо надеяться, что настоящих людей у нас хватит, чтобы раздавить пауков, пьющих кровь у трудового народа, и построить достойную для всех жизнь.

Как и я, мой сын был патриотом, подстать сыновьям товарища Сталина, с генетической привязанностью к Отечеству, хотел, чтобы оно было могучим и для этого не жалел сил, работая по заданию военных структур над совершенствованием компьютерной техники. О наживе не думал, считая, что вольные деньги развратают и выхолащивают мысли, лишают творческого содержания и сил.

Всех отстранившихся, по той или иной причине, от своего призвания, от любимого дела, которому, по его убеждению, надо следовать во что бы то ни стало, если хочешь состояться как личность и добиться результатов, погрязших в торгаществе и поддавшихся соблазнам наживы, обогащения, считал никемными людьми, пустоцветами, называл их «нулями» или лавочниками и барыгами. И был убежден в том, что, если они не прохвосты и не отъявленные негодяи и мерзавцы, то рано или поздно зададутся вопросом: для чего они пришли в этот мир и какой след оставят после себя, и, конечно, пожалеют о зря потраченном времени, которое, как известно, нельзя купить ни за какие деньги. Он даже жалел таких заблудших людышек, как жалеют нищих или убогих. К таковым он относил и нарождающийся класс распорядителей и хозяев новой жизни — так называемых «новых русских» (только русские ли они?), у которых не было за душой ничего святого, и чьим Богом являлся золотой телец.

Способен ли кто-то из них на поступок, равный поступку купца Павла Михайловича Третьякова, девизом которого было: «Нажитое от общества вернуть обществу», что он и делал всю жизнь. С великой благодарностью к этому замечательному человеку мы переступаем порог Третьяковской картинной галереи, которую он подарил народу.

— У новоявленных толстосумов вся энергия уходит на то, чтобы делать деньги и рабов, которые бы эти деньги увеличивали, — сказал сын. — В этом их сущность. Им чужды интересы человечества и не дано понять, что надвигается экологическая катастрофа, грозящая вырождением цивилизации. С таких генетических уродов это вырождение и началось.

Я гордился своим сыном, его цельностью. Мне всегда хотелось, чтобы у моих детей была высокая, достойная достижений цель, и чтобы они стремились к ней, несмотря ни на какие преграды и лишения, не разменивались на жалкие рубли, как это сейчас происходит с потерявшими ориентиры людьми, и не уподоблялись вихляющимся марионеткам, которые дергает чужая рука, или сухим листкам, гонимым ветром до того, как им упасть в осеннюю слякоть и быть затоптанными. Только целеустремленные натуры в конечном итоге добиваются успеха и признания. И я уверен, что мой сын еще проявит себя, чего не могу сказать о своей дочери...

Он не потерял и национального иммунитета. А это сейчас немаловажно. Но в политику не лез, был беспартийным, а ко всем нарождающимся партиям относился с глубоким снисхождением, считая их отзывом безумств человечества. Спорить с ним по этому вопросу было бесполезно. Но я тоже склонялся к мнению, что среди политиков много ненормальных, что многие из них делают политику грязными руками, и должен признаться, что и ко мне порядком налипло всякого дербма, и я вряд ли уже смогу очиститься, потому что прикипел к власти. С ней почти никто не расстается по доброй воле. Ведь где власть, там и чувство собственной значимости, ощущение своего превосходства, хотя это и призрачное понятие, там и слава — маленькая или большая, это уж кому как подфартит. За нее во все времена держались до последнего правители всех рангов и масштабов во всех странах.

Взять хотя бы Юлия Цезаря, который не нашел в себе силы

отказаться от престола даже под угрозой смерти. И умер от рук республиканцев. Жажды власти оказалась сильнее смерти.

Но и наши, советские «цезари» мало чем отличались от того монарха-диктатора. В конце жизни они страдали атеросклерозом сосудов, размягчением мозга и другими тяжелейшими недугами, и, можно сказать, потеряв свою значимость, стали балластом. Им было не до защиты государственных интересов, но они продолжали цепляться за власть, хотя по законам здравомыслия и этики не имели на это права. Власть давала им возможность с комфортом продлить свои бренные дни.

Тут, конечно, и окружение активно подыгрывало им: кому не известно, что свита делает короля, ведь, находясь рядом с ним, можно и себе урвать жирный кусок. Я не знаю такого случая, чтобы кто-то из приближенных к верховоду плохо о нем отзывался публично, а вот угодливое восхваление его, лицемерие не лезли ни в какие ворота. И только выгнанные им в щею начинали окачивать его ушатами грязи. Это происходит на всех уровнях — по себе знаю.

Опять я отвлекся от того, что намеревался сообщить. Так вот: разговор с сыном, за который я зацепился краем мысли при встрече с ночным гостем, состоялся в связи с моим сетованием на то, что товарищ Сталин не допустил бы того, что происходит при Меченом, да и самого этого словоблуда и лицедея он бы на пушечный выстрел не подпустил к Кремлю, а полученная этим пройдохой Нобелевская премия сродни той, которую присудили швейцарскому химику Паулю Миллеру за создание препарата ДДТ, предназначенного для борьбы с вредными насекомыми и оказавшегося крайне опасным для человека. Он загрязнял окружающую среду и нарушил биологическое равновесие в природе, а потому был почти повсеместно запрещен. А наш горе-Президент своей непродуманной, а точнее сказать, дурацкой «перестройкой» нарушил в мире социальное и экономическое равновесие между идеологическими системами, баланс двух сверхдержав, нарушил не в пользу нашей страны, социализма и коммунизма.

Что касается этого Герострата, то он долго не задержится у власти, — заметил в ответ на мои сетования сын. Ему уже дышит в затылок рвущийся к трону ЕБН.

Конечно, я был бы очень доволен, если бы Меченому дали по макушке за то, что он начал разваливать державу, которая казалась нескрушимой, а его место захватил бы Беспалый. Я всегда с интересом слушал выступления по радио и телевидению этого простого и энергичного, как тогда казалось, и нахрапистого мужика. Народу нравилось, что он, в отличие от Меченного и его горбачушки, возомнившей себя царицей и совавшей во все свой нос, ходит в ширпотребовских костюмах, ездит в общественном транспорте и лечится в районной поликлинике. Таких аскетов среди высокопоставленных тузов мне не доводилось встречать. Правда, товарищ Сталин ходил в обычной армейской шинели, но это же был Сталин. В ней он предстал теперь и передо мной. При нем вообще наши правители не позволяли себе выпендриваться. И уж, конечно, не носили шутовских колпаков, какой напялил на свою пустую башку Меченый, видимо, думая, что его убор из баргузинского соболя сродни шапке великого князя Мономаха. Только не по Сеньке оказалась шапка.

Кто-то скажет: перехлесты в определениях. Не буду дискутировать с теми, кто думает иначе, а просто сошлюсь на первый пришедший мне в голову факт. По воле Горбачева американцы получили пятьдесят тысяч квадратных километров акватории Баренцева моря с огромными запасами нефти и газа. Кроме того, мы урезали на сто пятьдесят тысяч тонн ежегодный улов рыбы с этой территории, что составляет десять процентов общенационального улова. Может ли такой подарок американцам сделать здравомыслящий человек?

Когда я высказал свое мнение о ЕБН сыну, он искривился в усмешке и махнул рукой:

- Как бы его дыхание не оказалось зловещим.
- То есть?

— Может статья, что у ЕБН все — показушное, популизм,

заметил Иосиф, — чтобы пустить пыль в глаза нашему легковерному народу, жалеющему всех обоженных властями предержащими.

Ну что ж, нередко в подобных случаях эффект с отвергнутыми властями становится обратным. А заберется такой страдальц на престол, — и его могут не узнать, обставит себя такой свитой пресмыкателей и лизоблюдов, какая и королям не снилась. И менять их станет в своих интересах, а может, и не в своих, как дворянские слуги меняли перчатки, потому что не разбирается в людях. Но и те, кого он будет ставить на место вытуренных и возносить до небес, могут оказаться такими же посредственными и бездарями, а то и гнусными, жалкими подонками и предателями народных интересов. Преступность, мздоимство, воровство и терроризм они попытаются внедрить в самые высокие сферы. А иные из них за это угодят в тюрьму.

— А на что существует государственный и партийный контроль,

прокуратура? — попробовал я осадить сам себя, но тут же подумал с душевной тревогой, что там может произойти то же самое, если, конечно, эти структуры сохранятся, что опять же вызывало сомнение. Как же мне не хотелось, чтобы мой кумир стал таким же перевертышем, как все отступники, побросавшие свои партийные билеты и прорвавшиеся к власти на волне фальшивой демократии, чтобы чтил страну Советов, ее традиции, понимал, что вычеркивание определенных периодов бытия из истории никогда не оправдывало себя и не украшало человека, не позволяя глумиться над вождем, который вывел государство на передовые рубежи в мире. При нем была стабильность, которой сейчас так не хватает, несокрушимость, уверенность в завтрашнем дне. У нас было свое лицо. Нас боялись трогать даже за океаном, и мы — патриоты своего отечества — этим гордились и уж, конечно, не унижались перед буржуями.

Вспоминается случай. Как-то приехавшая к нам американская делегация обратила внимание на подвыпившего мужчину в рабочей спецовке. Находившийся среди американцев журналист-разведчик спросил его, где он работает, сколько зарабатывает.

— Вид не очень приличный, плохо, наверное, живете?

Рабочий возразил, сказал, что живет очень хорошо, что у него жена, семья, все обеспечены, даже на водку деньги остаются, пригласил в гости, обещал угостить.

Корреспондент смущился. Когда наши люди навестили патриота, то оказалось, что это слесарь-ремонтник, живет на восьми метрах в полуподвальном помещении с семьей в пять человек.

После этого случая мне не захотелось переезжать из трехкомнатной квартиры в пятнокомнатную, которую мне выделил Облисполком, — засада совесть. Но жена настояла, и я сдался, мы переехали. Ведь наши жены — пушки заряженны.

И наши правители не летали в Америку, Францию и Германию за советами, как поступить в том или ином случае. Не испрашивали разрешения на те или иные действия, знали, что все советы и предложения будут умалять наше достоинство, а помочь окажется кабальной для народа. Ведь бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вот они и стремятся всеми правдами и неправдами загнать нас туда. И прихлопнуть. Мы стали людьми без будущего. Отсюда вывод: Меченый куплен ими с потрохами.

— Они и Беспалого постараются купить, — сказал сын.

Тут я, конечно, возразил:

— Такое не случится. У него есть голова на плечах.

— Надо еще, чтобы в голове что-то было.

— Ну, в голове-то у него больше, чем достаточно. И при ЕБН не будет движения вверх по лестнице, ведущей вниз, не будет никогда! — сказал я, памятуя слова Ельцина из выступления 25 февраля 1985 года на XXVII съезде КПСС, когда он был первым Секретарем Свердловского обкома партии: «Товарищи!... У нас нет иных целей, кроме целей партии, нет выше долга, чем отдавать все свои силы, знания и опыт процветанию любимой Родины (апплодисменты)...

Мы видим будущее нашей страны, будущее нашего края, и коммунисты, все трудящиеся Свердловской области заверяют делегатов съезда, Ленинский Центральный Комитет, лично товарища Леонида Ильича Брежнева, что за грандиозное и прекрасное будущее они будут бороться со всей революционной страстью и непоколебимой преданностью делу коммунистической партии (продолжительные аплодисменты)».

Эти слова Беспалого были так зозвучны моим выступлениям перед народом, которые я делал от чистого сердца, потому что верил и продолжала верить в торжество коммунизма и считаю, что только при полном коммунизме, когда будут уничтожены классы, отомрет государство и осуществится принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям», человек обретет настояще счастье. Разумеется, потребности у людей будут на уровне их высокого сознания, разумными, а не такие, как у нынешних воротил капитала. Спрашивается: зачем им дворцы и виллы с сотнями комнат, зачем десятки машин и прочая несусветная роскошь? Это духовно больные люди и место им — в сумасшедших домах.

Я жил со своими политическими взглядами много лет, с тех пор, как повязал на шею пионерский галстук, и не могу уже переродиться, да и не желаю, хотя и знаю, что времена меняются, и мы должны как-то меняться. А всех «демократов-перевертышей» из моего поколения считал и считаю хамелеонами и приспособленцами.

— Нет, ты напрасно так о Ельцине, — меня сильно расстроили слова сына. И я начал защищать ЕБН. — Мужик он правильный, хотя и с кандидатом. Но народу нравятся такие решительные и нахрапистые. Думаю, дав по суслам Меченому и его приспешникам, он остановит беспредел, как это в свое время сделал товарищ Сталин.

И я невольно заговорил о том, какие строгие порядки были при нем, и как мы сейчас в них нуждаемся.

И тут сын сказал нечто невообразимое:

- Он скоро вернется.
- Кто вернется? — не понял я.
- Сталин вернется.

Я посмотрел на Иосифа с недоумением, пытаясь понять, шутит он или тронулся, и, чтобы разрядить напряжение, даже приложил ладонь к его лбу.

Вообще-то сын не из шутников. А после Афганистана и потеря ноги как-то замкнулся и весь ушел в свои компьютеры, в составление программ, к тому же решил написать книгу: опять же о компьютерах, а точнее, о том, как они завладели человеком и к чему это может привести. Но предполагать, что у сына в связи с его заявлением о возвращении вождя, в голове завелись тараканы, мне не хотелось.

— Ты что, голубчик? — сказал я. — Разве так можно?

— Ничего, батя, не пугайся, ответил он, отведя взгляд в сторону, явно не желая продолжать растревоживший меня разговор, но, судя по его виду, я понял, что о возвращении товарища Сталина он сказал на полном серьезе.

— Как это вернется? С того света не возвращаются?

— Тайна сия сейчас покрыта мраком, — сын загадочно усмехнулся, — и рассеет этот мрак сам Сталин.

— В каком смысле? — я решительно ничего не понимал.

И хотя сын мой обрел пророческий дар, согласиться с его предсказанием я не мог.

Ошибочные предсказания подобного рода были свойственны и другим ясновидящим, в том числе и известной всему миру Ванге. Вещая о судьбоносных событиях, благодаря якобы «чужому разуму», который вселился в нее, она уверяла, что общается с внеземными существами, они говорят ей, что «есть очень мало людей, через которых они осуществляют прямые связи с Землей. Они контролируют нас». Так ли это? Среди прочего, инопланетяне будто бы, сказали Ванге, что наш первый космонавт, Юрий Гагарин, не сгорел в самолете и не умер, а «был взят». Кем, поч-

му, куда — не сообщила.

Вот и бывший теледиктор Балашов, как и сын мой, открывший в себе способности ясновидца, тоже заявил, что Гагарин не погиб в авиакатастрофе, а был болен, и поэтому изолирован от общества.

Ходили слухи, что первый космонавт попал в психиатрическую лечебницу, куда его, будто бы, упрятал Брежнев.

Ну, что на это скажешь: в нашей психушке, где я оказался во-лею злых обстоятельств, два человека называют себя гагаринами, и постоянно спорят между собой, отстаивая свое «первозданство». Они даже на Марсе побывали, а теперь готовятся к полету на Юпитер, приглашают желающих и продают билеты на первый рейс. Я тоже купил такой билет, чтобы не обижать наших астронавтов.

Однако, сообщение моего сына о товарище Сталине не могло меня оставить равнодушным. И, желая поставить все точки над «и» по поводу его высказывания, я спросил Иосифа:

— Кого же тогда мы хоронили в пятьдесят третьем, и где обретается товарищ Сталин?

Прежде чем ответить на это, сын долго сидел в позе уснувшего, смежив глаза и как бы устремившись мысленным взором в какие-то неведомые дали.

Я вижу похожую на Землю планету, находящуюся где-то за Солнцем, и ее обитателей в виде несуразных существ, чем-то напоминающих по внешнему виду динозавров, но необыкновенно умных и предприимчивых, — начал он каким-то отстраненных голосом, как будто во сне. — И там же, в белом холодном и замкнутом пространстве — сияющего Сталина в окружении хитроумных приспособлений и приборов с застывшими стрелками на циферблатах.

— Выходит, его забрали инопланетяне?

— Взяли по его личной просьбе, чтобы омолодить его и продлить ему жизнь.

Омоложение... продление... — извечная мечта человечества. И

чего оно только не предпринимало для осуществления своей мечты. Об этом написаны тысячи книг. Но толку чуть. Жизнь скоротечна и, скорее всего, зависит от наследственности.

Если верить словам сына, то можно предположить, что товарищ Сталин решил побороться с «костлявой», прибегнуть к помощи инопланетян. И его там заморозили. Можно ли было такое представить?! Да и в мыслях ни у кого такого не было. И присниться такое не могло. Когда же это пришло в голову нашему вождю? И как это ему удалось осуществить? Нет, в таком поверьте невозможно. Хотя о заморозке людей тоже много писано-переписано, однако почти все ученые заявляют, что при нынешнем уровне науки и техники землян человека невозможно заморозить и погрузить в глубокий анабиоз (состояние, в котором можно находиться столетиями), чтобы потом разморозить и вернуть к жизни, потому что до сих пор не разрешена одна из самых глубоких и трудных проблем: как в процессе заморозки в целости сохранить межмолекулярные связи в живом белке, из которого состоят все ткани и органы человека, не допустить кристаллизации воды и, как следствие, — гибели ткани, помещенной в холодильную камеру. Ученые утверждают, что это можно сделать только при мгновенной заморозке — за сотые доли секунды тело должно превратиться в стеклообразную массу. И еще надо найти способ отключить механизм терморегуляции. К тому же они сомневаются, что после разморозки сохранится разум в мозге. Разум, по их мнению, пожалуй, последняя и самая главная проблема анабиоза.

Повторяю: непостижимое уму виденье сына меня взволновало до глубины души.

— Как он выглядит? — спросил я.

Мой Иосиф снова закрыл глаза, сосредоточившись на неведомых мне беспредельных далях, и сказал через минуту, что Сталин почти прозрачный, и чем-то напоминает стеклянную мумию.

Выходило, что они там научились погружать живой организм в глубокий анабиоз, а потом, очевидно, возвращать его к жизни.

Значит, мы хоронили двойника Сталина, — сказал я сыну с надеждой, что так оно и было на самом деле, хотя надежда была более чем призрачной.

— А почему бы и нет?

— А почему бы и нет? — как эхо, повторил я, испытав в те мгновения какую-то неосознанную радость.

Ну, а что касается подставных лиц, то они были у многих державных правителей, и это обстоятельство позволяло думать о возможности воплощения в действительность моего заветного желания, чтобы товарищ Сталин вернулся.

В печати сообщалось, что французский император Наполеон, сосланный после поражения при Ватерлоо на остров Святой Елены, был вовсе не Наполеоном, а настоящий Наполеон Бонапарт находился на свободе.

Людская мольва донесла до нашего времени, что, не выдержавший давления стоявших у трона масонов Магницкого и Сперанского, впавший под конец жизни, под влиянием Серафима Саровского, в религиозный мистицизм, царь Александр I не умер внезапно в 1825 г. в Таганроге, как об этом сообщалось народу (народ всегда обманывали, когда дело касалось правителей, и сейчас обманывают), а ушел в монахи и жил до 1864 г. в Томске под фамилией старца Федора Кузьмича. Подтверждением тому служит и тот факт, что когда советское правительство в 1926 году открыло гробницу царя, то она оказалась пустой. Что бы это значило?

Кстати, об этом знал директор публичной библиотеки в Петербурге Н.К.Шильдер, но, будучи «официальным историком и биографом русских царей», не смел раскрыть тайну. А вот князь В.Б.Барятинский в своей книге «Царственный мистик» утверждал, что Александр Благословенный и Федор Кузьмич — одно лицо. А мне это стало известно из интересной книги Григория Бостунича «Масонство и русская революция».

Были подставные лица и у других державных правителей. Кому не известно, что после убийства царевича Дмитрия Угличского и избрания на Земском Соборе (в феврале 1598 г.) царем Бориса Годунова на авансцене истории появился самозванец, авантюрист Лжедмитрий I (Гришка Отрепьев), выдававший себя за русского царевича Дмитрия Ивановича. После смерти Бориса Годунова самозванец вступил в Москву и занял царский престол, убил сына Бориса Годунова — царя Федора, потом был сам убит заговорщиками во время восстания горожан во главе с князем Василием Шуйским.

Вскоре, в то «смутное», как его в народе называют, время, когда на Руси царил хаос, объявился Дмитрий II («Тушинский вор»), якобы спасшийся во время восстания, подошел к Москве и создал лагерь в Тушино, потом бежал в Калугу и был тоже убит.

И невольно вспоминаются слова историка: «Несколько раз престол переходил из рук в руки и, наконец, Москва осталась без царя... Один самозванец за другим увлекал народ, забывая связь с присягой: страшная междуобщица раздирала землю. И, в довершение всех бед, поляки вошли в русские пределы, разоряя области... Окаменели сердца, помрачились умы... Русь превращалась в необитаемую пустыню».

И холодаеет душа, когда сравниваешь ту пору с нынешней смутой и тяжкими событиями в наших республиках. Чем это кончится? И когда? Сколько еще придется терпеть народу кощни по вине прогнившего правительства, члены которого на глазах у всех дерутся за власть между собой (это показывают и по телевизору) и готовы перегрызть глотки друг другу, а держава в это время разваливается на части.

Выдержит ли народ выпавшие на его долю испытания? Когда я думаю об этом, мне приходит на память недавно прочитанная книга известного итальянского журналиста Джуллетто Кьеза «Прощай, Россия», который, как сказано в аннотации к его труду, всегда и везде отстаивал свою собственную точку зрения. Он — автор семи книг, шесть из которых о России. Книга его резко критикует сегодняшнюю российскую политику и курс, проводи-

мый президентом. В ней раскрывается политическая кухня последних лет российской «демократии» и отражена наша паскудная действительность, образовавшаяся по вине не менее паскудных верховодов и заправил, обогащающихся за счет продажи иностранцам наших богатств, в результате чего мы из мощной державы, с которой считались все страны мира, превращаемся в третебестеннную банановую республику. С нами теперь мало кто считается, зато все, кому не лень, пллюют на нас с высокой колокольни.

Но мне все-таки не хочется соглашаться с этим журналистом, что мы скоро навсегда исчезнем с лица Земли, как исчезла Римская империя, распылимся, растворимся среди других государств, и от нас не останется и следа.

Пессимистическое утверждение автора, навевающее от прочтения этой книги мрачный, безрадостный взгляд на жизнь, унылое настроение гасит в людях надежду, которая, как известно, вселяет в человека уверенность и умирает последней.

И потому я считаю эту книгу, при кажущейся ее объективности и пророческих высказываниях с учетом изменившейся обстановки в мире, вредоносной, опасной, разрушающей политические и моральные устои нашего больного общества. Эта книга является смертным приговором России.

Как же можно жить дальше с таким приговором? И хотя московское издательство ТОО «ГЕЯ» сообщает читателям, что «не несет ответственности за факты, изложенные в данной книге», я бы все-таки хорошенко подумал, стоило ли ее выпускать. Да еще массовым тиражом для широкого круга читателей.

Душа русского народа чувствительна, доверчива и очень раннима. Зачем ее, и без того истерзанную, давить и топить в темном, засасывающем омуте неверия в свои силы, из которого невозможно выбраться. Ему нужен стимул к тому, чтобы выбраться из мутного водоворота, воспрянуть духом, преодолеть уныние, чувство подавленности, опустить в себе прилив энергии для борьбы с нашими внутренними и внешними врагами, пытающимися задушить нас, втоптать в грязь и выбросить на свалку истории.

И тут мне невольно приходят на память имена народных героев, организаторов освободительной борьбы русского народа с иностранными интервентами Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

Где они, нынешние судьбоносные минины и пожарские? Отклиknитесь! И взгляните борьбу с нынешними чужеземцами и внутренними врагами России. Вспомните слова товарища Сталина: «У нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость».

Народ воспрянет духом и пойдет за вами, потому что знает, что, несмотря ни на какие удары в прошлом, Россия поднималась на борьбу с лиходеями и побеждала, и обретала еще большее величие.

Победит она и на этот раз. И воздвигнут новые памятники новым народным героям.

Говоря о самозванцах, нельзя не отдать должное предводителю крестьянской войны 1773-1775 гг. Емельяну Ивановичу Пугачеву, который, приняв имя свергнутого с престола и вскоре убитого с ведома Екатерины II Петра III поднял восстание яицких казаков, обещая им вольную жизнь во главе с «мужицким царем», но был выдан заговорщиками властям и казнен в Москве вместе со своими близкими соратниками на Болотной площади.

А сколько версий было о чудесном спасении дочери последнего царя России Анастасии после расстрела царской семьи в стариинном русском городе в Екатеринбурге в 1918 г., переименованном в 1924 г. в Свердловск, как бы по просьбе рабочих-пищевиков, и при непосредственном участии дружка Свердлова — секретаря уральского обкома РКП(б) Шайи Исааковича Голоцекина и Лазаря Моисеевича Кагановича, которого еще в 1918 году Свердлов ввел в члены ВЦИК.

За рубежом объявились более тридцати лжеанастасий. Уже открыли где-то документы и показания о будто бы существовавшем тайном согласии между советским правительством и кайзе-

ровской Германией, принятом во время Брестских переговоров, о сохранении жизни царя. Осенью 1918 г. член ЦК Зиновьев-Альфельбаум утверждал, что семья Романовых жива и находится в одном из городов, но не назвал его. Были и в начале 1919 года свидетельские показания о побеге великой княжны Анастасии Николаевны. Будто бы ее поймали, но потом она снова убежала и жила в Советском Союзе под другим именем.

Несколько самозванцев выдавали себя в разные годы за царевича Алексея Романова. И тут, пожалуй, больше всех преуспел лжецаревич из Багдада, живший в России под именем Василия Васильевича Щетинина. Он даже внешне был поразительно похож на сына покойного императора Николая II. И что подкупало: помнил отдельные даты из жизни царской семьи. Это сбивало с толку тех, кто хотел верить в невозможное. «Наследник русского престола», к тому же, как и цесаревич, страдал гемофилией и имел незаживающую рану под левым коленом. Он утверждал, что ему удалось убежать в крестьянской одежде из Ипатьевского дома за несколько дней до расстрела царской семьи, и потребовалось немало усилий, чтобы изобличить Щетинина во лжи.

Объявляли себя за чудом спасшихся детей царя Романова и другие люди. Более того: иные из них искренне верили в то, что они — действительно дети Божьего Помазанника. И многие им тоже верили искренне, сочувствовали и хотели помочь.

«Товарищ Сталин был скрытен и хитер чрезвычайно, — отмечал его личный секретарь Борис Бажанов. — Он умел хранить тайны». Касалось это его умение и жизни и смерти Романовых. Когда в 1927 г. комендант Ипатьевского дома, где были расстреляны в подвале царь и вся его семья, Яков Юрьевский, уроженец города Каинска, учившийся в синагоге (Ленин называл его «клад человеческий») предложил к «десятилетию расстрела Романовых» издать сборник документов и высказываний участников расстрела, ему был передан устный ответ вождя: «Ничего не печатать. И вообще помалкивать о том, что позволил себе доверить своему дневнику Троцкий-Бронштейн, записавший ответ Свердлова на вопрос «Кто принимал решение о расстреле царя и его семьи?» — «Мы решили это здесь. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени, особенно в наших трудных условиях».

Похоже, далеко не всем пришлось по душе это решение. Писали, что к смерти Свердлова в 1919 году будто бы причастны рабочие одного из московских заводов, где он выступал. Его так «усердно» подбрасывали в порыве показного энтузиазма после выступления (тогда это практиковалось), что «не удержали», и он брякнулся на землю, отбив себе внутренности.

Судя по всему, товарищ Сталин не имел никакого отношения к этому трагическому факту нашей истории. Он просто не хотел выносить сор из избы, подставлять под удар критики Ленина.

Молчал и браунинг, сданный Михаилом Медведевым, стрелявшим из него в царя, в Музей Революции.

А кончилось дело тем, что все главные руководители Уралсвета, связанные с расстрелом Романовых: Белобородов, Диковский, Сафаров, Голощекин были сосланы в Сибирь и погибли в лагерях. И только взявший бразды правления страной Хрущев чуть приоткрыл завесу этой страшной тайны, решив записать на магнитную ленту рассказы оставшихся в живых расстрельщиков: начальника внутренней охраны Никитина и коменданта Юрьевского, который умер своей смертью в кремлевской больнице в 1938 году.

Продолжая эту тему, замечу, что и самого Ленина враги Великого Октября когда-то сравнивали с лжедмитрием. Его называли «октябрьским временщиком», «мимолетным узурпатором», ему инкриминировали помочь со стороны Германии (лжедмитрию помогали поляки). Кстати, и Ленин, и лжедмитрий прибыли в Россию из Европы.

Некоторые историки утверждают, что подлинный, «исторический» Ленин умер еще в 1912 году в Швейцарии, и тогда же «по партийным соображениям» был заменен необыкновенно похожим на него евреем Циберлейном (по другим сведениям — Циберблумом). А еще писали, что настоящего Ленина застрелила осенью

1918 г. левая эсерка Дора Каплан (у нее были и другие имена и фамилии), после чего произошла его подмена в виде популярности вождя. Отмечалось, что новый Ленин ни разу не появлялся ни на митингах, ни на публичных собраниях, чтобы у кого-то не закралось сомнение в истинности вождя.

О том, что у Сталина были двойники, ходили упорные слухи еще при его жизни.

Бывая после войны на первомайских праздниках, я, вместе с другими демонстрантами, шел на Старый Арбат, по которому проезжал на Новую дачу товарищ Сталин. Кортеж состоял из нескольких бронированных машин с запоренными окнами. Говорили (на ухо друг другу), что в каждой находится загrimированный двойник вождя — на случай покушения на Сталина. Потом мне удалось услышать от кого-то (опять же сказанные шепотком) знаменитые строчки Слуцкого:

Мы все ходим под Богом,
У Бога под самым боком.
Он жил в небесной дали,
Его иногда видали живого.
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах,
От страха почти горбато
В своих пальтишках мышиных
Дрожала охрана...

Не думаю, что этот стишок был оставлен без внимания наши ми чекистами.

Видимо, были у товарища Сталина и реальные двойники. После смерти вождя об этом говорилось и в печати. Так, сразу же в нескольких газетах появилась заметка о неком еврее Евсее Лубицком, в прошлом — бухгалтере из Винницы. Сообщалось, что после убийства в конце 1934 года члена Политбюро Сергея Кирова товарищ Сталин, опасаясь за свою жизнь, приказал службе безопасности найти человека, абсолютно похожего на него внешностью. И выбор остановился на Лубицком. Он будто бы целых пять лет исполнял роль Иосифа Виссарионовича.

Сам Лубицкий хвастался: «Я был похож на Сталина больше, чем он сам.» Его подгоняли под вождя парикмахеры, портные, логопеды. Обучение роли вождя заняло около полугода. А когда состоялась встреча двойника с Иосифом Виссарионовичем, Лубицкий сказал кому-то: «Никогда не думал, что Сталин, который на всех снимках выглядел так импозантно, на самом деле был невысокого роста, рыхлым, с желтыми зубами, и при этом говорил с ужасным грузинским акцентом. Однако его личность притягивала. У него были необыкновенно живые глаза, а позднее я читал, что даже враги чувствовали эту необыкновенную притягательную силу. Я подтверждаю это».

Впервые Евсей Лубицкий сыграл вождя на встрече с делегацией шотландских шахтеров, которые никогда до этого не видели живого Иосифа Виссарионовича. Никто не заметил подвоха.

«Особенно приятно было ходить в театр, — вспоминал двойник, — публика вставала и аплодировала не актерам, а мне — Евсею Лубицкому, точнее — товарищу Сталину».

Рассказывалось, что Сталин очень любил шутить. Он, например, мог приказать Лубицкому сыграть роль вождя, когда на доклад приходил глава НКВД Ежов. Настоящий вождь наблюдал этот спектакль через окошко, и его забавляло, что даже сверхдительного инквизитора можно обмануть.

Приходилось Лубицкому проводить встречи с делегациями иностранных держав, обводить вокруг пальца переводчиков и персонал Кремля — людей, которые общались с вождем.

В 1952 г. Лубицкого арестовали и выслали в лагерь на Дальнем Севере. От гибели его спасла смерть вождя, а вот семья его исчезла навсегда.

Думаю, здесь больше вымысла, чем правды, как и в том, что будут писать о ЕБН, посчитав, будто он не перенес операции на сердце и умер, а за него тоже действует двойник.

И уж совсем смехотворным покажется предположение, что ЕБН — это пришелец, внедрившийся на один из ключевых постов, чтобы исподволь, планомерно направить нашу цивилизацию

по нужному инопланетянам пути.

Подытоживая сказанное и беря во внимание выходящее за рамки реальности сообщение сына о том, что товарищ Сталин жив, невольно приходишь к выводу, что Иосиф Виссарионович воспользовался в своих далеко идущих целях и замыслах всамделишним двойником, и, таким образом, преднамеренно ввел в заблуждение всех живущих на Земле людей. В это трудно поверить, но, зная хитроумный характер вождя, допустить такое, хотя и с большой натяжкой, все-таки можно.

Что же касается двойников, то при всей неординарности индивидуумов всегда находятся люди, похожие друг на друга и внешне, и повадками, и голосовыми данными. А если еще обнаруживается способность к подражанию, то в результате можно увидеть поразительную тождественность некоторых людей, в чем легко можно убедиться, знакомясь с кинолентами прошлых лет.

Взять хотя бы народного артиста СССР Михаила Геловани, сыгравшего роль товарища Сталина в некогда популярных и любимых народом фильмах «Оборона Царицино», «Великое зарево», «Клятва», «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 году», «Выборгская сторона», «Член правительства», «Валерий Чкалов», «Падение Берлина».

Геловани канонизировал вождя народов, создал, как писали потом, полумифический ореол вокруг всезнающего и всевидящего вождя. Он сделал из него богочеловека. Конечно, ему и пластили за эту игру как следует.

А вот по ходу повествования и анекдотец позволю присовокупить к сказанному (а может, и быть).

— Кто такой Геловани? — спросил Иосиф Виссарионович у кинорежиссера и драматурга Михаила Чиаурели, когда он готовился создать фильм «Клятва» и выбрал артиста на роль вождя.

— Талантливый актер, товарищ Сталин. Старается проникнуть в ваш образ. Как-то сказал, что готов прожить вашу жизнь, чтобы глубже познать вас.

— Любопытное желание, — заметил Сталин. — Если уж очень хочет, могу помочь. И начнет он с Туруханской ссылки.

Говорили потом, что Геловани скончался через три года после смерти вождя. И тоже — 5 марта, причем в состоянии, близком к помешательству, хотя, на самом деле, он умер в год ХХ съезда партии, в день рождения товарища Сталина. Актеру казалось, что тело Иосифа Виссарионовича, находящееся рядом с Лениным в Мавзолее, начало портиться. И он боялся, что его убют и положат вместо вождя, где он будет исполнять его посмертную роль. Скорее всего, и это брехня.

Другому исполнителю роли товарища Сталина, Алексею Дикому, игравшему в фильмах «Третий удар» и «Сталинградская битва» было далеко до Геловани, хотя его тоже не обделяли горнорами за усердие.

Ну, да не буду углубляться в историю этих удивительных пассажей киногероев, хотя они и могли как-то запастись в подкорку товарищу Сталину в ту пору, а в нужный, судьбоносный для нашей страны момент, всплыть в памяти вождя и послужить толчком к его не менее удивительному и более чем странным, не укладывающимся в моем сознании действиям, в результате которых он оказался на другой планете, о чем я расскажу чуть позже.

Случалось и непрофессионалам сниматься в роли товарища Сталина. В прошлом скромный бакинский инженер-теплотехник Георгий Саакян из-за своего сходства с Иосифом Виссарионовичем сыграл его роль в шестнадцати кинофильмах. А первая была в известной картине «Тегеран-43». Выступал он и на концертах. Его узнавали на улицах, улыбались, некоторые подходили и прошли навесты порядок в стране.

Теперь картины со Сталиным называют тоталитарными, а кинорежиссеров упрекают в том, что там чрезмерное внимание уделяется вождю, Родине, народу, патриотизму, героике, дисциплине, подчинению интересов личности интересам коллектива. Попрекают в первую очередь «демократы» из числа так называемых интернационалистов, которые спят и видят наше государство у подножия в храмину мамонны.

После ХХ съезда КПСС все кадры из кинофильмов с вождем народов были вырезаны, и сейчас остались лишь в лентах, хранящихся в Госфильмофонде и зарубежных фильмотеках (на что другое, а на всякие вивисекции и запреты мы большие мастера).

Надо сказать, что не ударили здесь лицом в грязь и нынешние любители подстраиваться под кого-то из известных личностей, подражать кому-то.

Кстати, в то самое время, когда я встретился с таинственным гостем, в Москве проходил конкурс двойников «Один к одному», где можно было увидеть как бы в натуре царя Николая II, Ленина, Сталина, Маргарет Тэтчер, известных советских и зарубежных актеров и певцов. Наверное, сама мадам Тюссо удивилась бы, увидев живых персонажей, которые в ее музее вылеплены из воска. Впрочем, восковые фигуры уже появились и в наших музеях.

Ну, да что ж, в теперешнее просвещенное время и не такое происходит. Люди до неузнаваемости преобразовывают свою внешность с помощью пластической хирургии. Могут придать себе такой вид, чтобы походить на определенное конкретное лицо. Изменяют фигуру, наращивают груди, даже вшивают в них прах своих любимых, вырезают ребра, чтобы талии были тоньше, выдирают зубы, чтобы заменить их на фарфоровые. Более того, врачи освоили операции и посложнее, и поделикатнее: в результате какая-нибудь потаскунка становится невинной девушкой, мужчина — женщиной и наоборот. Даже из негра могут сделать светлокожего.

И работенка уже нашлась двойникам, сначала — за «бугром», а потом, как водится, и у нас (ни в чем не хотим отставать, даже в абсурдах). За определенную плату двойников знаменитых людей стали приглашать на званые обеды, свадьбы, дни рождения, открытия магазинов и офисов, юбилеи фирм, презентации — наподобие «свадебных генералов», что, как известно, практиковалось в дореволюционной России, да и в других странах. В Германии даже открылась фирма Вернда Швавмбаха, штаб-квартира которого находится под Дюссельдорфом. Она предлагает желающим на почасовое пребывание двойников известных личностей. Там сейчас большой популярностью пользуется наш первый и, видимо, последний Президент Советского Союза — Горбачев. За него надо заплатить две тысячи марок в сутки. Его обычно нанимают по поводу торжественных приемов на свадьбы и юбилеи предприятий. Под Меченого работает некий Вилфрид Салмен. Ему 57 лет. Фирма уже имеет филиалы в других странах и может поставлять знаменитостей даже... с того света.

И у нас уже появилось несколько Меченых. И, что характерно, голос один к одному с голосом Президента. И голос, и его речевые огни, которыми хоть пруд пруди. Называют двойников Горбачева «консенсусами», хотя толкования этого мудреного слова я не нашел даже в четырехтомном словаре Ушакова. И где только откопал его заумно косноязычный Горби.

Объявляются в наши дни и самозванцы, претендующие на роли известных людей. Один из них — лжегагарин, заявлял, что он не погиб, о чем поведал космонавт Борис Волынов, которому тот звонил по телефону на работу и домой (голос один к одному с голосом нашего первого космонавта). Этот человек сказал, что во время катастрофы катапультировался и долгое время лежал в госпитале. У него провалы в памяти, хотел бы встретиться, но чтобы никто не знал. А впоследствии оказалось, что это был просто больной, находящийся под наблюдением врачей психдиспансера.

К чему это я все говорю о двойниках? А чтобы поняли мое счастье, мой раздрай в мыслях, когда я увидел человека, который был так похож на Иосифа Виссарионовича Сталина. И опять в глубине души затащилась призрачная надежда, что мы и в самом деле коронили в пятьдесят третьем не настоящего Сталина, а настоящий — вот он, рядом со мной. Я б этого хотел, потому что всегда смотрел на Иосифа Виссарионовича как на Божьего Помазанника, и все его деяния мне представлялись такими же, как деяния царей-преобразователей, которые являлись вершителями судеб народа, были патриотами и пеклись не только о своем могут-

ществе, но и о могуществе нашей державы, укрепляя ее и расширяя, в результате чего она стала империей. И наших царей называли императорами. И совсем не случайно товарищ Сталин выделял Ивана Грозного, Александра Невского, Петра Великого. Они собирали Россию, преумножали ее территорию, пеклись об увеличении населения в стране, понимая, что в народе — несокрушимая сила. И хотя воевать и стоять на страже своих завоеваний надо не только числом, но и умением, что доказал наш полководец Суворов, количество жителей в государстве тоже имело и имеет немаловажное значение.

И совсем не случайно при товарище Сталине были запрещены аборты, а бездетные люди платили специальный налог. Это вольно или невольно заставляло их обзаводиться детьми, укреплять семью, преумножать народонаселение в стране. А что происходит теперь по вине бездарных верховодов? Геноцид! Из-за неблагоприятных условий жизни, напряженности и бесконечных стрессов в стране смертность превысила рождаемость.

Однако, я опять свернулся в сторону от рассказа о встрече с необыкновенным гостем, в котором надеялся увидеть настоящего товарища Сталина.

Впрочем, надежда моя тут же и потухла, потому что я был реалистом и не мог представить вождя живым. Ведь если бы это было так, то неужели и в самом деле все это время он обретался на другой планете, как об этом говорил мне сын?

И мысль моя вернулась к розыгрышу, к фальсификации. Только кому и для чего могло понадобиться послать сюда этого более чем странного двойника? А если он оказался по своей инициативе, то мне было непонятно, что ему тут надо. И опять же этот необычный летательный аппарат, бесшумно появившийся здесь и так же бесшумно и быстро исчезнувший. Какая тут связь? И есть ли она? Я не мог прийти в себя от крайнего изумления и склонен был думать, что у меня действительно поехала крыша.

Но, так или иначе, а в моем случае нельзя было исключать предположения, что я встретился с хулиганом, а его дальнейшие действия могли привести к нежелательным, а может, даже опасным для моей жизни последствиям.

И я покалел, что в те минуты рядом со мной не было генерала Ерыкалова, который, не далее как сегодня утром, оказался очень кстати в сходной ситуации у меня в кабинете, а теперь безмятежно почивал с женой на втором этаже и, возможно, видел приятные сны.

Впрочем, оказался он у меня совсем не случайно. Я попросил его прийти в обком, чтобы вместе решить, как достойно встретить иностранного гостя, присланного к нам из Москвы для налаживания деловых контактов, который, изрядно налимонившись, теперь тоже спал без задних ног, а его шустрая переводчица Луиза тем временем мило забавлялась с моим шофером и телохранителем Яшой Кобеловым на бильярде в подвале нашего особняка. И я опасался, как бы эта «сладкая парочка» не объявила, да еще в каком-нибудь непотребном виде, перед очами товарища Сталина. Стыда не оберешься.

Будь рядом генерал, мы бы скорее нашли ответ на мучивший меня вопрос: с кем же в действительности я встретился и общалась, и мы прореагировали бы соответствующим образом. И если это какой-то проходимец, аферист, мы незамедлительно дали бы ему достойный отпор, как это случилось нынче утром. Незадолго до встречи с ночным гостем.

А вышло так: для начала мы пропустили по рюмке коньяка, который я хранил в сейфе. Для этого и повод был подходящий — очередной день рождения товарища Сталина. За светлую память вождя выпили. Потом, по моему вызову, вошла секретарша с подносом, принесла чай, печенье, сухарики и расставила все на салфетки. Когда она направилась к выходу, дверь распахнулась, и в кабинет вихрем влетел незнакомый человек с лихорадочными сверкающими глазами.

— Наконец-то удалось пробиться в ваши чертоги! — объявил он с порога очень жестким, ничего хорошего не предвещающим голосом.

— Сюда нельзя, — попыталась остановить его Марго. Даже руки расставила.

— Не утруждайте себя, мамаша, — усмехнулся нежданной гость, отстраняя ее в сторону.

— Молодой человек, что вы себе позволяете! Немедленно выйдите! Кто впустил?! — взревела она, наступая. Нет, ей не удалось вытеснить ворвавшегося человека своим объемистым корпусом, скорее, наоборот, распалила его еще больше.

— Отринь, старая кукла! — он уверенно подошел к столу в своих растоптанных башмаках сорок последнего размера, на которых еще не успел растаять снег, на ковре образовались мокрые следы.

— Телефон засекретили. Тоже, государственная тайна! На все у вас запреты и табу. Туда не моги, сюда низ-зя. Отгородились толстыми стенами. В дверях наставили фараонов с пушками. И чаи распивают с печеньем, шоколадцем. Недурно устроились.

Говорил он с какой-то странной, сумрачной ухмылкой, обнажая большой щербатый рот, окидывал бегающим взглядом с косянкой все, что находилось на столе.

— Ну, что же, партийные налоги с дураков-коммунистов обеспечивают вашему брату более чем сытую житуху, да и от беспартийных полнился ваша казна, ведь за это вы всем холуям тепленькие mestechki выделяете, балуете подачками с барского стола. И волки сыты, и овцы целы. А остальной люд по пустым полкам шарит жадным взглядом. А если что-то выбросят на прилавок — очередь с километром, и все грызутся между собой. Зло порождает зло. Или я не прав?

Я попытался сделать каменное лицо, как это делал, когда надо было оборвать человека, заставить его замолчать. У меня это получалось неплохо. Но тут не подействовало. Он повел широким вздернутым носом:

— Похоже, и покрепче приняли: попахивает клопами со многими звездочками. Слугам народа все и всегда можно. Как это в Библии: «Они.. едят хлеб беззакония, пьют вино хищения». Или ищите в рюмке истину? Она не там, да и не в женщинах, на которых часто списывают грехи. Она в совести. И вас давно ждут двери с наружными засовами. И окна под потолками — в клеточки.

— Что вы несете? И кто вы такой? — спросил я, окончательно сбросив с себя оторопь и вставая с кресла. С такими субъектами лучше разговаривать, крепко держась на ногах.

У известного врача-психиатра и писателя Владимира Леви есть замечание: «Психиатрам, например, знакомо «чувство шизофrenии», возникающее буквально в первые секунды контакта с больным, «с первого взгляда». Возникает ощущение чего-то странного, напряженного, труднопредсказуемого, говорят, что от большого «повеяло шизофrenией». Именно такое чувство испытал я в те первые минуты общения с неожиданным визитером.

Генерал тоже показалось, что у этого человека «противоположное завихрение в башке...».

Должен заметить: я выше среднего роста. И далеко не субтилен, скорее, наоборот. А в последнее время еще и «раздобрел» от «социокаплений», что меня удручит: ботинки зашнуровывать стало трудновато.

А генерал Ерыкалов был на голову выше меня и, казалось, состоял из одних перекрученных сухожилий, обладал острой реакцией, как у всех спортсменов.

Но нежданный-негаданный визитер своими габаритами переплюнул нас обоих. И в плечах — косая сажень. Словом, этакий амбал с кулачищами по пуду. И смахивал на моего шоferа и негласного телохранителя Яшу Кобелова. Но в том ничего шизофrenического не было.

Генерал тоже поднялся и отошел в сторону, весь напрягнувшись.

— Кто я такой? — усмехнулся ворвавшийся. — Простой советский человек.

— Вижу, что не сложный. И все-таки потрудитесь называться, — возвысил я свой голос.

Если верить Чезаре Ломброзо, утверждавшему, что всем пре-

ступникам с признаками вырождения присуща сильно развитая нижняя челюсть, искривленный или приплюснутый нос, лобные бугры, петлистые уши, косоглазие, западающий подбородок и выдающиеся скулы, то мой визитер очень даже смахивал на описанного итальянским психиатром и криминалистом портрет.

— Скажите, зачем пожаловали?

— И скажу. А вы можете не представляться, — продолжал он так же нахраписто. — Сталинистов, захребетников народа и врагов перестройки видно за версту. От них даже воняет краденым.

— Прекратите фиглярство, — прикрикнул на него генерал. — Извольте отвечать по существу.

— Ох, ох, как страшно. Ладно, отвечу: пришел выполнить свой гражданский долг, а вернее, поручение.

— И в чем сие заключается? — спросил я, доставая трубку, которую я иногда курил для форса, подражая товарищу Сталину, готовый к самому неожиданному повороту событий. Трубка была массивной, с острым костяным мундштуком, и в данном случае могла оказаться полезной.

— А вот это вы сейчас и узнаете, — пришелец сунул руку в карман, не сводя с нас лихорадочно блестящих глаз.

Уж не прикончить ли собрался меня за какие-то грехи? — молнией мелькнуло в голове. А что, бывали такие случаи в жизни властимущих, к которым я себя тоже относил. И, что характерно, чаще это как-то связывалось с катаклизмами и пертурбациями в нашем отечестве, когда со дна всплывает грязь и мутная пена.

Если углубиться в отечественную историю, то можно вспомнить руководителя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого, на которого совершил покушение в 1918 году некий Леонид Канегиссер в отместку за расстрелянного друга. Тогда это обернулось большой бедой для народа. В ответ на убийство Урицкого чекисты расстреляли «для острастки» без суда и следствия около тысячи человек — в основном бывших дворян, чиновников, офицеров, членов их семей. А вскоре общее число жертв «красного террора» дошло до десяти тысяч, при этом не щадили ни женщин, ни стариков. Насилие по отношению к политическим врагам набирало обороты.

Случались покушения и на правителей из самого верхнего эшелона. Главу советского государства Ленина, как я уже говорил, чуть было не уокошила эсерка Фанни Каплан, до шестнадцати лет носившая фамилию Ройдман. А может, это была и не она. Темна вода в облацах. В печати сообщалось, что пули были надрезаны и отравлены. Теперь выдвинуто предположение, что это придумал сам Сталин, чтобы сгустить атмосферу вокруг покушения на вождя пролетариата. Ну, что ж, тогда это надо было сделать: ведь наши враги и не такие «пули» отливали для дискредитации нашего социалистического строя, который стал у них как кость в горле. Например, говорили, что Владимир Ильич приходился террористке папенькой. По другим печатным источникам, она была его любовницей, родила от него ребенка, требовала, чтобы он развелся с ненавистной ей Крупской.

Были и другие покушения на Ленина. Так, террористами был обстрелян автомобиль, в котором Ильич возвращался с митинга. Но тут тоже многое противоречий и неясностей. И вообще, теперь говорят и пишут, что покушения на Ленина были не более как инсценировки, чтобы возбудить общество и нацелить народ на борьбу с контрреволюционерами. Прием известный и употребляемый во всех странах.

В американском издании «Либерти Лайбрери Корпорейшн» в 1939 году, за несколько дней до убийства Троцкого-Бронштейна нашими агентами, грозившего из-за рубежа учинить расправу над Сталиным с помощью затаившихся у нас троцкистов, появилась его статья «Сверх-Борджа в Кремле», в которой говорилось, что смерть Ленина была насилиственной, и в этом, якобы, тоже повинен Сталин, подсунувший больному Ильичу яд, взятый у начальника ГПУ Генриха Ягоды (бывшего фармацевта), в ведении которого находилась особая лаборатория, где работали токсикологи, создававшие яды для умерщвления врагов народа.

Поверить в это трудно. Просто Троцкий хотел в очередной раз опорочить своего заклятого врага. В этой же статье он назвал Сталина сверх-Нероном и сверх-Борджа (имея в виду Цезаря Борджа). «И Нерон был продуктом своей эпохи, — говорил Троцкий. — Но после его гибели его статуи были разбиты, и его имя выскоцленено отовсюду. Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря.»

Не обошлось без покушений и на товарища Сталина. Однажды стреляли в него из ограды собора Василия Блаженного. А потом пытался убить вождя электрик на даче Иосифа Виссарионовича. Об этом сказано в дневнике маршала Астахова.

Даже кое-кто из числа родных и близких соратников вождя хотел избавиться от Иосифа Виссарионовича. Галина Серебрякова рассказывала, как в бытность женой наркома финансов Сокольникова, она услышала у себя дома реплику приглашенного в гости брата первой жены Сталина — Алеши Сванидзе: «Коба зазвался, его надо ликвидировать».

Как-то Орджоникидзе чуть было не задушил Сталина за то, что вождя грубо оскорбил его. А кончилось все гибелью самого Серго при весьма загадочных обстоятельствах.

На жизнь Сталина покушались и настроенные против советской власти колдуны и шаманы при помощи заклинаний и мысленного внушения, которые теперь рассматриваются некоторыми учеными как психоэнергетическое оружие и уже находят применение. В печати приводился автором Винокуровым рассказ известного ученого, основателя гелиобиологии А. Чижевского о радиоинженере В. Чеховском, проводившем исследования в области мысленного внушения с помощью коллективного индуктора — группы людей, одновременно думавших об одном и том же. Он вместе со своими соратниками намеревался с помощью дистанционного воздействия на Сталина убить его. За сумасшедшие деньги, — сообщалось автором, — они покупали у парикмахера, обслуживающего «вождя всех народов» волосы с головы Иосифа Виссарионовича и прикрепляли их к восковому бюсту. Иногда вместо бюста в центр стола помещалась фотография головы Сталина, снятая с затылка. Естественно, через какое-то время о группе Чеховского стало известно соответствующим органам. Заговорщиков арестовали...

Не потерял актуальности феномен внечувственного восприятия и в наши дни. Совсем недавно промелькнуло сообщение в печати о том, что «служба президента России» искала экстрасенсов, охраняющих ауру политиков от энергетического пробоя и прочего негативного воздействия.

Я не очень-то доверяю этим экстрасенсам и колдунам: ведь товарищ Сталин тогда не пострадал. А многие из тех, кто желал смерти вождю, поплатились своей жизнью, причем некоторые застрелились.

«Загадка состоит в том, почему они стреляли в себя, а не в Сталина», — писал Юрий Борев в «Сталиниаде». Внутренняя дисциплина старых партийцев? Невозможность прибегнуть к крайним моральным методам? Технические трудности осуществления? Нежелание нанести вред партии? Загадка!»

А я не вижу в этом загадки. Просто уважали Сталина (ведь было за что!), любили, даже боготворили, ну и, конечно, боялись наказания за содеянное. Каждого, кто покусился бы на жизнь вождя, ждала неминуемая смерть.

Даже Гитлер и Гиммлер не решались санкционировать покушение на Сталина, считая его Великим вождем, призванным выполнять свою миссию, о чем стало известно из мемуаров шефа бывшей германской тайной службы Вальтера Шелленберга, и тогда разработанный рейх-министром иностранных дел Риббентропом план ликвидации Сталина во время переговоров с помощью модели авторучки, в корпусе которой был смонтирован револьверный ствол, пришлось похоронить. Гитлер заметил тогда Риббентропу, что прорицание отомстит за это.

И отомстило. Сталин не мог не знать, что он находится на прицеле у врагов и был крайне осторожен, не допускал опрометчивых шагов. По земле ходил мало. «Аргументы и факты» сообщ-

щали, что из здания ЦК на Старой площади можно было по подземной электрородороге проехать до Кремля. А из Кремля — в район проспекта Вернадского — в самый мощный подземный бункер. Было и секретное метро, строительство которого началось еще в 30-е годы по указанию Иосифа Виссарионовича, с целью безопасности высшего руководства страны. Оно было глубже обычного, и одна из его веток связывала Кремлевские подземелья с аэропортом «Внуково». Строился туннель из Кремля на дачу товарища Сталина с расчетом на двухстороннее автомобильное движение. А по земле Иосиф Виссарионович, как уже говорилось, ездил в бронированной машине «Паккард» весом в шесть тонн, а потом — на ЗИС-110. Пули их не пробивали, а подойти и бросить взрывное устройство вряд ли кому бы удалось. Охрана знала свое дело.

И японцы намеревались убить Сталина, — не получилось.

Были покушения и на других наших правителей. Младший лейтенант Ильин хотел убить Брежнева, но по ошибке расстрелял у Боровицких ворот автомобиль с космонавтами и за это на долгие годы был упрятан в психбольницу тюремного режима.

Поквитаться с Горбачевым на Красную площадь пришел, вооруженный револьвером, Кабахидзе. Ему тоже не повезло: револьвер самопроизвольно выстрелил в кармане пальто. И уже сравнительно недавно некий Шмонов во время октябрьской демонстрации стрелял в Горбачева из обреза ружья. И мог бы убить: расстояние до стоявшего на трибуне Мавзолея Президента было всего 45 метров. А стрелок он был, как писали в газетах, весьма отменный. Правда, второй выстрел, когда Шмонова развернули в сторону, противоположную Мавзолею, он сделал уже, не целясь.

Несть числа покушениям и на партийных боссов республиканского и областного масштаба. Террористы подкладывают самодельные бомбы в здания райкомов и горкомов партии, под трибуны, под памятники и монументы вождей. Совсем недавно некий Чальцев бросил в окно Горьковского обкома партии две бутылки с зажигательной смесью в знак протesta против насилия над ним.

И мне тоже уже пригрозили некие прорабы перестройки, решившие остаться неизвестными, прислали по почте посыпку с удавкой из нейлона и письмо с наклеенными буквами, чтобы нельзя было узнать по почерку отправителей: «Следующая удавка будет на твоей коммунистической шее. Заруби это себе на носу, сталинский выкормыш!» Это произошло после того, как я, опасаясь осложнений, запретил митинг в городе по поводу семидесятилетия «красного террора».

Нет, меня не поколебали эти угрозы, не испугался я и ворвавшегося визитера. На войне и не в такие переплеты попадал. А Звезду Героя тоже не за трусость получил. Но осторожность никому не мешала. На всякий случай подошел к нежданному посетителю вплотную, чтобы, при необходимости, успеть схватить его за руку. Генерал отреагировал так же.

— Ну-ка, присядем, — сказал я приказным тоном. — Давайте, давайте, в ногах правды нет.

— Можно и присесть, — ответил он, опускаясь в кресло, однако, руки из кармана не вынул. Я сел напротив. А генерал встал у визитера за спиной.

Я попросил секретаршу принести еще одну чашку — «для нашего

гостя». Знал, что Марго тут же свяжется с охраной и сюда придется милиционер, чтобы забрать этого человека, неизвестно как проникшего в обком, миновав милиционские посты на первом этаже и в коридоре.

— Так что же вас привело ко мне? — спросил я уже более участливо, — говорите, не стесняйтесь.

— А чего церемониться. Ты — душегуб, вот что я хотел сказать.

— Ну, зачем же так круто берете. Надо давать отчет своим словам.

— Даю. Мой отец был директором совхоза. Хорошим директором. Не чета нынешним забулдыгам, не просыхающим от вина.

Организовал хозяйство по-новому, без административно-управленческих захребетников вроде тебя, а твои церберы-прихлебатели обвинили его в нарушении финансовой дисциплины, в хищении государственных средств, инкриминировали присвоение власти. Да, независимых вы не любите даже в том случае, если они — незаурядные личности, с признаками гениальности. Сталин тоже не жаловал таких.

— О ком вы? Как его фамилия?

— Пришелец.

Генерал нервно засмеялся:

— Пришелец? С какой планеты? — он думал, что этот парень совсем трехногий. — И долго добирался сюда? Интересно-то как...

Пришелец повел своими огромными плечами, с презрением глянув на Ерыкалова, который был не в курсе событий. А я-то сразу все понял, как только услышал эту странную фамилию. История с Пришельцем уже успела обрасти быльем забвения. Когда-то некий Пришелец ратовал за то, чтобы наши крестьяне обрели самостоятельность и стали хозяевами земли, разработал новую систему планирования, финансирования, организации и оплаты труда, что позволяло земледельцам освободиться от пут инструкций, которые сковывали инициативы, высвободить рабочие руки, отказаться от значительной части техники: тракторов, комбайнов, автомашин. И кое-что сделал в этом направлении. Ему удалось распрощаться со многими нерадивыми работниками, надсмотрщиками. Отказался он и от лишнего административно-управленческого персонала. Работа по-новому позволила механизаторам совхоза резко повысить производительность труда. Это бросалось в глаза, а вернее, кололо глаза министерским работникам, так как по причине нового социального эксперимента, в основу которого была положена отвергаемая плановиками идея безнарядно-звеньевой системы организации и оплаты труда, не у дел оказались сотни людей. А это уже, считай, чуждая советскому строю безработица, которая теперь надвигается на нас как цунами во взбаламученном океане. И скоро многие окажутся безжалостно выброшенными на произвол социальной бурей и станут нищими и изгоями.

На смутьяна-Пришельца посыпалась жалобы в Министерство сельского хозяйства, в обком партии. Были недовольные звонки из столицы. Мы решили избавиться от человека, который доказывал, что командиры в лице представителей партии и правительства крестьянину не нужны, запретили опасный для нашей системы эксперимент. Сподвижников Пришельца разогнали. Они пытались обвинить нас в отсутствии государственного мышления. Мы не остались в долгу и в назидание другим выдвинули против Пришельца обвинение в том, что он и его соучастники присвоили себе народные деньги. Все это произошло во времена правления Брежнева. Тогда не прощали тех, кто поднимал руку на устон авторитарной системы. Командное управление было на должностной высоте и карало всех, кто наносил ущерб авторитету партии.

А в случае с Пришельцем еще обнаружилось, что он состряпал фиктивные подряды, чтобы получить наличные деньги и двинуть дальше задуманное им дело. Впрочем, в те застойные, как теперь говорят, времена на такие «махинации», случалось, отваживались и другие директора и председатели совхозов, чтобы вывести свои хозяйства из трясины, и становились «бескорыстными преступниками».

Мы исключили Пришельца из партии и отдали под суд, чтобы другим было неповадно выступать с подобными инициативами. Он не мог смириться с тем, что произошло, и, оказавшись за решеткой, в отчаянии покончил жизнь самоубийством на третьем году заключения, так и не добившись справедливости.

Сожалел ли я об этом? Лес рубят — щепки летят, — так часто говорил мой учитель-максималист, замполит полка, безграмотно верящий в коммунизм и умевший внушить эту веру другим. Так что нет ничего удивительного, что у кого-то летят головы. Головы и должны лететь, если они повернуты не в ту сторону.

Повторяю, все это произошло так давно, что я успел забыть о случившемся. И, наверное, никогда бы не вспомнил, если бы то-

го Пришельца и его товарищей не реабилитировали, а его систему хозяйствования не признали прогрессивной. Бывший редактор нашей газеты «Путь к коммунизму» Говяконд написал о судьбе идеи доморощенного коммуниста-новатора статью. Она была перепечатана в одной из центральных газет левацкого толка. В обком посыпалось письма от читателей с требованием «вывести на чистую воду» следователей и государственного обвинителя Жигалова, допустивших произвол, квалифицированный журналистами, как судебный фарс. Я решил не возвращаться к уголовному делу в отношении Пришельца, ведь это только подлило бы масла в огонь, и, мало-помалу, о нем стали забывать.

А тут вдруг объявился сын Пришельца, о существовании которого я не знал. Назвал меня душегубом.

— Я горжусь своим отцом, — сказал он. — И не только я. Его широко поддержала общественность. Он стал популярной в области фигуру, и вам пришлось дать обратный ход. Не так ли?

— Тогда были другие времена, — сказал я. — Но мы же реабилитировали вашего отца, даже восстановили в партии. Чего вы еще хотите?

— Реабилитировали, до основания разрушив его психику. Он стал жертвой вашей коммунистической дури, которую вы ревностно вбивали и вбиваете в головы другим. Он вынужден был набросить себе петлю на шею. Но вам и этого мало. Хотите всех на уши поставить, как сами стояте перед...

— Замолчите! — перебил я.

Увы, он говорил правду, признаться в которой мне было стыдно даже самому себе.

— Хотите, чтобы мы все были зашоренными и прозябали в бедности, — продолжал визитер, не обращая внимания на мой оклик, — а вы бы гужевали за наш счет. — Он кивнул на стол с закусками. — Но этого не будет. Демократия и рынок под эгидой новых законов принесут народу избавление от вашей семидесятилетней пиротерапии. А вас всех отправят на свалку истории.

Не знаю, как бы дальше пошел разговор и чем бы все закончились, если бы в кабинет не влетели долговязый, всегда угрюмый, с лицом ищечки и повадками завзятого уркагана начальник городской милиции Свинцов, чем-то похожий на нашего министра внутренних дел, с молоденьким розовощеким милиционером — лимитчиком из какой-нибудь Молдовы (их сразу узнаешь по периферийной неотесанности), и вслед за ним — жирный, как откомленный на убой поросенок, прокурор города Жигалов, смахивающий внешностью на небезызвестного адвоката, который защищал в свое время на суде брежневского зятя.

Выходит, моя Марго не сидела сложа руки, пока мы изъяснялись с этим неугодником. Он попытался встать, но генерал навалился на него сверху, схватив за руку, которую парень не вынимал из кармана. Тот тряхнул исполинскими плечами и поднялся вместе с генералом, прижал его к себе одной рукой, как бы защищаясь, словно щитом, а вторую вытащил из кармана. И мы увидели в ней пистолет, который он направил на милиционеров.

— Не подходите! — крикнул Пришелец, пялясь с генералом к стене. — Руки всем за головы. Убью! Отвернитесь к стене.

Милиционеры замерли в нерешительности, не ожидая такого поворота дела. Меня это разозлило, особенно замешательство Свинцова. Человек он многоопытный. К работе, как некогда и отец его, сотрудник для особых поручений комендатуры ОГПУ, относился серьезно, хотя и имел грешок — закладывал за воротник и иногда перебарщивал, за что от меня ему и влетало по первое число. Но я мог на него надеяться, как на самого себя. Его любимой присказкой было: «Как скажете». Эта присказка перешла к моему шоферу Кобелову. Свинцову в свое время довелось поработать в тюрьме замполитом, где он не стеснялся применять крутые методы к заключенным, которые нарушили законы, любил участвовать в принудительной кормежке тех, кто объявлял голодовку: помогал врачам вставлять голодющим в рот расширители и резиновые зонды в нос для вливания питательной жидкости. Как-то похвастался по пьяни-

ке, что одному упрямцу «разодрал пасть» и сломал несколько зубов, а другому «порвал носоглотку».

Там он, кстати, познакомился и с Кобеловым, который сидел за решеткой по обвинению в изнасиловании и был досрочно выпущен из тюрьмы за доносительство на крутых уркаганов, замышлявших захват заложников и побег из тюрьмы.

Мне импонировало, что Свинцов чтит товарища Сталина. Другие почитатели вождя давно уже сняли с ветровых стекол своих автомобилей его портрет, а Свинцов оставил, хотя это и стоило ему издергек: какой-то умник из числа дермоократов разбил ночью это стекло и повредил изображение вождя. Свинцову пришлося его заменить. И портрет Иосифа Виссарионовича снова красуется на стекле его автомобиля.

А вот то, что этот страж закона вдруг растерялся при виде пистолета, меня очень удручило. Было бы лучше, если бы Марго привела Кобелова. Бывший уголовник прекрасно владел приемами каратэ и быстро бы вправил мозги этому чокнутому визитеру.

Впрочем, прокурор Жигалов первым поднял руки кверху, не на шутку испугавшись угрозы Пришельца. Ситуация возникла пиковая.

Руки! Руки! — кричал гость, поводя пистолетом перед собой, как бы целясь поочередно во всех нас. — Ну, кому первому прорыгивать башку?

Теперь ни у кого не было сомнения, что перед нами — невменяемый, криминогенный, патологический тип, готовый на самое страшное преступление.

И тут случилось невероятное. Генерал издал дикий клич на подобие тех кличей, которые издают каратисты, и, подпрыгнув, ударил каблуками ботинок по коленным чашечкам Пришельца, перекинул его через себя. Визитер рухнул на пол, взвыв от боли. Вот что значит приемы самообороны. В следующее мгновение на Пришельца навалились милиционеры и прокурор, у которого оказались в руках наручники. Бандита обезвредили.

И тут же выяснилось самое архинеожиданное и смехотворное: пистолет-то у него был игрушечным, на нем даже цена стояла: 5 руб. 50 коп. Он был сделан из пласти массы и стрелял струйкой воды.

Я не мог сдержать сардонической улыбки. И другим сделалось смешно, хотя смех этот и нельзя было назвать веселым и беззабочным. Смеялись стыдливо, почти не разжимая губ. А Пришелец сидел на полу, ругался, растирая колени.

— Сукины сыны! Садисты! Извери!

— Сам виноват, — сказал генерал. — И я не превышал средств защиты от нападения.

— Не превысили, — согласился Жигалов, обретя былую уверенность. — Можно было бы еще и покрепче его наказать. Ну, да все впереди. Мы с ним поговорим в другом месте. И в долгую не останемся. Распоясавшихся надо учить, как учили при Сталине.

— Зачем вы устроили эту комедию? — спросил я Пришельца.

— Чтобы сделать вас заиками. На всю жизнь. Думаю, прокуроришко-то наложил в портки. — И он вдруг засмеялся издавательским смехом. — Слышиште, какое амбрэ? Хорьки вонючие.

Последние слова Пришельца вывели меня из себя. — Уберите этого раздолбая, — сказал я. Мне и на самом деле показалось, что в кабинете витает некий малоприятный запах.

— Сам уйду, — сказал Пришелец, пытаясь подняться на ноги,

но тут же снова взвыл от боли.

— Уйдешь на разборку, — раздраженно, со злобой сказал Свинцов. Он не прощал ни малейшего пренебрежения к себе. — Там мы тебе устроим притирание по всем частям, с размахом. Это я тебе хорошо обещаю, понтиара хреновый.

Общаюсь с преступниками, он и сам стал выражаться как преступник.

Милиционеры подхватили Пришельца под руки и поволокли к выходу.

— Ублюдки! Мы еще посмотрим, у кого на руках какие ко-

зыри, — сказал тот в дверях. — Теперь другие времена, и суд решит по справедливости. И, в первую очередь, не поздоровится вам.

— Решит, как мы решим, — сказал Жигалов.

— Вы — это еще не вся советская власть. Время ваше заканчивается.

Слова эти запали мне в душу. Неужели он окажется прав? Я был уверен, что ему теперь дадут по сусалам и намнут бока. Милиционеры не церемонятся, когда их разозлят. А у нашего Свингера жесткие объятья. Об этом говорит и его фамилия. Только бы не изуродовали парня, что тоже случалось нередко.

— Ну, дела, — сказал генерал, вытирая платком пот с залысин.

— Как сажа бела, — ответил я, вдруг вспомнив утреннее сообщение по радио о магнитной буре, которая будто бы определенным образом действует на всех неуравновешенных людей, шизофреников и дебилов. Да и поведение нормальных людей зависит от вспышек на солнце. Даже сперматозоиды меняют свою живучесть и женщины быстрее беременеют. Теперь много печатается и передается по радио разной чепухи: предсказаний на неделю родившимся под тем или иным знаком Зодиака, прогнозов экстрасенсов, телепатов, парапсихологов, ясновидцев, колдунов и ведьм. Люди словно помешались на сверхъестественном, оккультном, жаждут каких-то чудес. И, что удивительно: даже наш интеллектуал Матсон-Ганопольский придает значение всей этой чепухе, более того — ведет какие-то изыскания, и его охотно печатают в центральных газетах и еженедельниках. Впрочем, это не раз происходило на переломах истории человечества. Так, кстати, было и в первые годы после Октябрьской революции. Товарищ Сталин загнал бы этих вешунов за Можай, пусть бы там морошили головы таежным медведем.

Должен признаться: этот Пришелец не показался мне безнадежным дураком, каким выглядел вначале. Но, так или иначе, я приказал обследовать его у психиатров с тайной надеждой, что они упекут его в дурдом, — от таких лучше подальше.

— Держите его до особого распоряжения, — сказал я.

— Все понял, — живо ответил Жигалов. — Все сделаю, как надо. Не сомневайтесь.

— Ну, вот и отлично.

— Могу идти?

— Можете.

Жигалов поковылял своей заплетающейся походкой и мы снова оказались с генералом вдвоем. Думал ли я тогда, что не пройдет и суток, как сам окажусь в психиатрической больнице. Но это уже не имело отношения к данному инциденту.

— А здорово ты его приложил, — сказал я Ерыкалову, — просто потрясающе. Вот что значит военная косточка.

— А чего было с ним перемониться. Однако прокурор-то наш, кажется, и в самом деле перетрусили, руки воздел к небу. Как говорится, молодец против овец, а против молодца — сам овца.

— Может, хотел выиграть время. Ведь мы же не знали, что за пушка у него в руках, — сказал я, взяв оставленный на столе игрушечный пистолет, нажал на курочек. Из ствола брызнула струйка воды.

И тут мы уже расхохотались от души.

— Надо будет подарить этот трофея ребятам моего сына, — сказал я.

— Останутся довольны, — заметил генерал.

Понемногу мы стали успокаиваться, и я предложил Ерыкалову перед чаем еще «пригубить», чтобы снять стресс.

— Можно, — охотно согласился генерал.

Когда «пригубили», закусив конфетами, он спросил:

— А ты чего позвал-то меня?

— Соскучился по хорошему человеку, а домой к тебе не выберешься. Все дела, дела. Перестраиваемся, как видишь. По полу перестройки и тебя пригласил. Хочу привлечь к одному делу.

— Надеюсь, не к уголовному, — генерал улыбнулся.

Не волнуйся, уголовными делами у меня занимается Жигалов.

И вполне успешно. Он ведь из старорежимных. Достойно боролся с разными уклонами и фракциями. Сам Вышинский отмечал его старание, хотя теперь это имя тоже не в чести, склоняется всеми, кому не лень. Жигалов — верный страж и никому не позволит покушаться на основы советской государственности. Его ценят в верхах. Иначе не привлекли бы к работе в подготовке нового Уголовного кодекса. Признался мне, что приложил немало усилий, чтобы сделать новый закон, ничего не меняя в старом. Гласность — это не значит вседозволенность и безнаказанность, как теперь многие дермыократы пытаются ее трактовать и хотели бы выпустить на волю тех, кто и за решеткой-то опасен. Как в свое время выпустили уголовников по «бериевской амнистии» при Хрущеве.

И не только по бериевской. Каждый властитель, занимая трон, старался казаться более справедливым и гуманным, чем его предшественники. Так повелось от наших царей. Все хотят выглядеть добренькими.

А нынче что делается? За пять лет перестройки преступность захлестнула страну. Действуют уже целые группировки грабителей, насильников, вымогателей, оснащенных первоклассной электронной техникой и оружием, о котором могут только мечтать наши правоохранительные органы, а наверху ни чешутся, ни мычат, ни телятся. Куда это годится! Ну, да хватит об этом. Ожидаем приезда француза, будем налаживать деловые связи. А ты был военным атташе во Франции и знаешь язык. Вот и хочу, чтобы ты стал толмачем. Поможешь?

— Конечно. Мне это даже интересно.

На том и порешили. Я ведь еще не знал тогда, что пожалует не француз, а японец. Тут уж над нами сыграла каверзную шутку неряшливость и разболтанность нынешних советских чиновников, граничащая с безалаберностью. При товарище Сталине за такие промашки отстраняли от занимаемых должностей независимо от того, какой пост занимал проштрафившийся.

И еще вспомнилось в ту тревожную ночь при встрече с товарищем Сталиным у гостевого дома, как однажды, знакомясь с очередной магнитофонной записью прослушиваемых разговоров в доме бывшего главного редактора Говеконда (он у нас был на поэзрении), где собирались «внутренние диссиденты, перерожденцы и оппозиционеры», натолкнулся случайно на весьма любопытный и необычный диалог между собравшимися. Во время вечернего чаепития с мацой фотограф Поддонов, которого тоже выперли из редакции за нахождение художественного авангарда и модернистские штучки, обратился к Матсону-Ганопольскому, входящему во все тусовки (он умел заинтересовать собой, даже очаровать, восхитить, везде был, что называется, «в фокусе»), с предложением провести спиритический сеанс. Давида считали медиумом, наделенным особым даром посредничества между духами умерших и здравствующими людьми.

Идея эта всем понравилась. Гости хотели заглянуть за пределы земного существования для того, чтобы убедиться, что с остановкой сердца жизнь не кончается, что существует загробный мир, с которым можно связаться посредством определенных приемов. По указке Матсона-Ганопольского они закрыли окна (духи, видите ли, не любят сквозняков), зажгли свечи, погасили электричество и уселись вокруг стола, на котором расстелили большой лист бумаги с написанными на нем буквами, положили пальцы на блюдце и тем самым, как бы концентрируя коллективную волю, стали вызывать дух... Сталина, чтобы задать ему свои вопросы.

Думаю, выбор этой необычной кандидатуры в спиритическом сеансе был неслучайным. Видимо, собравшиеся чувствовали грядущие перемены, беспроспективность нашего Президента как политической персоны, то, что это уже отработанная фигура, почти пешка, и смена высшего руководства неминуема. Вот и тряслись за свои вывернутые наизнанку шкуры, не знали, как быть и надеялись, что дух вождя скажет, не пора ли им всем снова пере-

лицовываться, менять «принципы», доставать спрятанные в долгий ящик партийные билеты, или это им уже не поможет и надо рвать когти, уподобляться бегущим с тонущего корабля крысам.

Как все это было похоже на болезненное увлечение в 1905–1917 годах некоторой части русской интеллигенции, тяготевшей к декаденству, тайными знаниями, спиритизму, масонством и прочей эзотерикой, которым был дан бой во времена советской власти.

Стол, однако, к огорчению спиритуалистов, не покачивался. Это, по их мнению, говорило о том, что дух Иосифа Виссарионовича не обозначил свое присутствие в их доме. Блюзде не двигалось. Вождь не отзывался. Меня это несколько не удивило, потому что я не верил и не верю в загробную жизнь, в оторванный от человека абсолютный дух, в бессмертную душу и прочие идеалистические бредни. Возможность общения с так называемым потусторонним миром, с умершими при помощи различных знаков через посредство медиума высмеял еще Толстой в комедии «Плоды просвещения». Да и великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев отозвался об этом «феномене» отрицательно.

Матсон-Ганопольского стали спрашивать, почему «не откликается» дух Сталина, и тот высказал предположение, которое всех повергло в шок.

- Значит, дух Сталина не расстался с телом.
- Разве такое может быть после смерти человека?
- Остается предположить, что Сталина там нет.
- Где там?
- Там...
- Тогда где же он?

Матсон-Ганопольский шумно вздохнул и попросил включить свет. Он не знал, что ответить. После этого воцарилось какое-то тягостное и, как говорят литераторы, гробовое молчание. Его разрядила жена бывшего редактора Розалия Моисеевна, предложившая гостям сыграть в карты. Произошло некоторое оживление. И Матсон-Ганопольский во время игры сослался на существующее среди идеалистов выражение: «отпустить душу на покаяние».

— Люди, знакомые с оккультизмом и продавшие душу дьяволу, — сказал он, — имевшие отношение к потустороннему, лишены умиротворения, покаяния и упокоения. Их души не принимают туда, где находятся души праведников. Они продолжают пребывать в этом мире, только в другом энергетическом виде, в другой ипостаси. Я чувствовал это, бывая в гостевом доме обкомовцев, который некогда построил какой-то алхимик и колдун, снаживший мятежников то ли фальшивым золотом, то ли поддельными ассигнациями.

Помолчав немного, он добавил:

— Кстати, при Сталине в двадцать девятом году на международный рынок было выброшено немалое количество фальшивых стодолларовых купюр, хорошо сработанных в Советском Союзе. И, как недавно подтвердили документы, автором идеи подделки был Иосиф Виссарионович. Он приказал напечатать десять миллионов долларов, чтобы пополнить запасы твердой валюты в стране для выполнения пятилетнего плана. А распространяли их берлинский частный банк «Сас унд Мартини». Конечно, этот обман не был незамеченным, хотя к тому времени вся фальшивая наличность уже ушла в Китай и Южную Америку. Эта операция не принесла Советскому Союзу прибыли. Скорее наоборот: престиж нашей страны резко снизился.

Должен заметить: мне не понравились эти «уточнения» Давида по поводу мошеннических машинаций товарища Сталина с деньгами. Если даже такое и случилось, то, значит, без этого нельзя было обойтись. Да и что тут особенного: капиталисты и не так нас одурачивали и одурачивают. Более того, всегда зарялись и сейчас заряжаются на наши земли, на наши богатства, хотят закабалить наш народ. А сколько наших людей погибло и гибнет в войнах, которые они навязывали и навязывают. Я уж не говорю о бесконечных провокациях и вредительстве во всех сферах нашего народного хозяйства. Один Чернобыль чего стоит, где авария на атомной электростанции была

специально подстроена нашими врагами, о чем теперь открыто говорится в печати. Они никогда не упускали случая, чтобы нахлодить нам, и товарищ Сталин тысячу раз был прав, говоря о том, что советские люди не должны забывать о бдительности. А мы забыли и теперь расхлебываемся за нашу забывчивость.

— Что же касается того колдуна, построившего виллу, где сейчас жируют обкомовцы, — продолжал Матсон-Ганопольский, — то его тлетворный дух и теперь проявляет себя, забирает у тех, кто там бывает, живую энергию и вселяет в них зло.

— Да, да, да, это так, это очень верно, — затараторила Розалия Моисеевна. — Они все — ужасные злодеи и пакостники. Там, я слышала, и призраки проявляют себя, и полтергейст обозначился. Что вы можете сказать по этому поводу?

И тут Матсон-Ганопольский завел речь о призраках и полтергейсте, сказав, что, согласно учению спиритизма, полтергейст — это физическое проявление души умершего в нашем мире, и оно способно принимать самые невообразимые формы, вплоть до различного рода видений и материализации полной человеческой фигуры, причем плотность этих материализаций может быть различной: от газообразной до осязаемой твердой.

Кто-то из затесавшихся к Говяконду заметил тогда ученому психоведу, что человек есть физическое тело, и не более того, так сказать, мыслившая материя, а не какой-то там бессмертный дух, который, будто бы, пользуется различными телами, переходя из одной стадии своего существования в другую.

В ответ Матсон-Ганопольский привел слова философа-спирита П. Галлева, который утверждает, что «если дух проявляется самопроизвольно, то это может иметь только две причины: либо он желает напугать людей, являющихся невольными свидетелями странных и, как им кажется, противостоящих явлений, либо он желает вступить с нами в общение...».

— Галлева советует: «Лучше попытаться вступить с ним в общение, ведь это, как правило, духи людей умерших и желающих передать что-то своим близким».

Конечно, я не верил и этому мистическому бреду, но подспудно его слова удержались в моей голове, так как в последнее время в печати появилось столько материалов ученых мужей, доказывающих наличие каких-то неведомых сил, параллельных миров и прочих феноменов.

А Давид словно прочитал мои мысли, когда я подслушивал разговор у Говяконда.

— Свыше тысячи лет назад, — сказал он, — блаженный Августин заметил, что чудеса не противоречат законам природы. Они противоречат лишь нашим представлениям о них.

— Ну, какое отношение это имеет к Сталину? — спросил директор нашей филармонии.

— Сталин ведь тоже там бывал. И оставил свой отпечаток, несущий на себе отрицательный заряд, порождающий в людях скверну. Так что там ощущается двойное негативное влияние на людей.

Меня так и подмывало ввязаться в этот разговор и дернуть зарвавшихся, не знающих мерки болтунов. И вообще, связать все это с товарищем Сталиным было бы непростительной глупостью. Однако, его «материализация», свидетелем которой мне довелось стать, меня крайне взволновала. Чувства, которые я испытывал при встрече с этим человеком, можно было бы назвать «сладким ужасом». Это объяснялось противоречивыми характеристиками, которые давались и даются разными людьми Иосифу Виссарионовичу. Как же мне хотелось узнать со стопроцентной точностью, с кем я встретился. Нельзя же уметь, чтобы воскреснуть.

Освященный лежавшим в снегу фонарем, товарищ Сталин стоял передо мной как нерукотворное изваяние, и слегка, будто про себя, улыбался. Я тоже хотел улыбнуться, но ничего не вышло: не мог даже щечки губами. Все казалось непостижимым. Неужели этот гость из прошлого станет гостем из будущего.